Англичанка на велосипеде

Автор:
Дидье Декуэн

Англичанка на велосипеде

Дидье Декуэн

Интеллектуальный бестселлер

Когда в Южной Дакоте происходит кровавая резня индейских племен, трехлетняя Эмили остается без матери. Путешествующий английский фотограф забирает сиротку с собой, чтобы воспитывать ее в своем особняке в Йоркшире. Девочка растет, ходит в школу, учится читать. Вся деревня полнится слухами и вопросами: откуда на самом деле взялась Эмили и какого она происхождения?

Фотограф вынужден идти на уловки и дарит уже выросшей девушке неожиданный подарок – велосипед. Вскоре вылазки в отдаленные уголки приводят Эмили к открытию тайны, которая поделит всю деревню пополам. За реальностью будут искать сказку, а за сказкой – реальность. Что победит – воображение или действительность?

Дидье Декуэн

Англичанка на велосипеде

Didier Decoin

UNE ANGLAISE A BICYCLETTE

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Жан-Марку Роберу

Главное условие равновесия – отсутствие всякого движения. Но суть равновесия такова, что достаточно легкого дуновения, чтобы все пришло в движение.

Жюльен Грак

За всякой истиной стоит другая истина; которая из них истинна?

Джон Б. Фрогг

Часть первая

1

На Великих равнинах Южной Дакоты, возле ручья Вундед-Ни, произошло кровавое побоище. Завершался период Луны-Когда-на Деревьях-Лопается-Кора-от-Мороза, которому предстояло смениться Луной-Когда-Холод-Приходит-в-Типи[1 - Типи – переносное жилище кочевых индейцев Великих равнин. – Здесь и далее, если не указано иного, прим. пер.], что соответствовало концу декабря: иными словами, случилось это через несколько дней после Рождества 1890 года.

Впрочем, что могли значить и Рождество, и сам 1890 год для народа лакота[2 - Лакота – индейский народ, западная часть племен группы (народов) сиу (также дакота).]: счет времени он вел не годами, а лунными месяцами, или Лунами, которые отличались друг от друга характерными для той поры событиями. Так, лакота знали, например, что Мато Нажин (Стоящий Медведь, старший сын первого носившего это имя Стоящего Медведя) появился на свет в Луну-Когда-Линяют-Пони, то есть за четыре месяца до Луны-Черношерстого-Теленка[3 - Речь идет о периоде с мая по сентябрь; пони – здесь: низкорослые лошади индейцев.], когда родилась Эхои, чье имя означало «смеющаяся дева».

Эхои повезло: она не попала в число детей, убитых первыми залпами пушек. Услышав попискивание под обрушившимся на ребенка телом матери, едва его не придавившим, Шумани перевернула мертвую женщину и схватила малышку за то, что попалось под руку, – за ноги.

И теперь Шумани мчалась по снегу с девочкой, которую волокла за собой, как крокетный молоток, держа за щиколотки и рискуя разбить ей лоб о любое твердое препятствие – хватило бы и обледенелой кротовой норы, ведь головка Эхои была совсем хрупкой; но, к счастью, отчаянный бег Шумани не встретил на пути ничего, обо что ребенок мог удариться.

Под головой Эхои расстилалась гладкая поверхность невиданной белизны, от которой ломило глаза, то поднимавшаяся, то опускавшаяся с головокружительной быстротой, и колебание этого живого маятника отчасти помогало сохранять равновесие женщине, которая его несла. Шумани не хватило времени, чтобы поставить Эхои на ноги и взять поудобнее: например, обхватив руками или прижав к себе, чтобы головка девочки покоилась, как в колыбельке, на теплой и мягкой подушке ее груди. Нет, ничто не должно было замедлить бег Шумани, которой предстояло опередить чудовищный рой огненных снарядов и добела раскаленных свинцовых пуль. Шумани вспомнился день, когда на нее накинулись пчелы, чей улей она растревожила; насекомые бросились ей вдогонку, зыблясь позади волнами, подобно бурному потоку во время паводка. И тогда она поняла, хотя и была немногим старше малышки, которую сейчас спасала от ярости американских солдат, что из беды ее выручит только бег на опережение – если она побежит так быстро, как не бегала никогда в жизни. Преследовавшие ее теперь кусочки металла были ничуть не разумнее пчел, но куда проворнее: она не видела их полета, зато слышала гул и свист – звук зависел от формы осколков после разрыва снаряда, когда они с шипением падали в снег, и в этом месте расцветали большие, серые, дышащие паром

цветы.

Шумани подумала, что сейчас она тоже упадет. Тело нещадно ломило, боль, начинавшаяся в желудке, подкатывала к горлу тошнотой, и каждый раз, когда она пыталась ускорить бег, боль внизу живота пронзала ее огнем в поясницу и бедра. Чтобы увернуться от снарядов, она рванула в сторону, туда, где лежала нетронутая снежная целина, и этот благодатный холод был подобен ледяному компрессу на лбу больного лихорадкой. Но в то же время толща тяжелого, липнувшего к ногам снега сильно замедляла бег.

И, несмотря на это, Шумани настигла и обогнала других бежавших женщин – те тоже были с детьми, правда, несли их за спиной, как принято у сиу.

Прежде всего Шумани подивилась спокойствию детей. Никто не плакал, не пищал, как Эхои, у одних глаза были открыты, у других закрыты, точно они спали, и головы у всех болтались из стороны в сторону. И только увидев наполовину снесенное лицо мальчика – его оторванная щека свешивалась к шее, точно шкурка плода с красной мякотью, – она поняла, что женщины, не ведая о том, несли мертвых детей, собственных детей, превратившихся в живой щит, чьи тела вобрали пули, посланные солдатами женщинам в спину. Шумани захотелось сказать об этом, но она сдержалась, подумав, не мертва ли подобранная ею девочка, которая как раз перестала верещать. Правда, крови на снегу она не заметила, но что это доказывало? Кровь могла и не просочиться сквозь толстое индейское одеяло, в которое ребенок был завернут.

Тогда Шумани решила молчать и целиком сосредоточиться на беге; ее не оставляло смутное ощущение, что самое трудное осталось позади. Снаряды по-прежнему рвались то тут, то там, но, потеряв изрядную часть смертоносной энергии, уже редко попадали в цель.

Как и эти снаряды, Шумани сожгла большую часть сил в первые минуты бега и теперь чувствовала себя отяжелевшей и неловкой. И если в начале этой бешеной гонки боль в ногах была подобна боли юноши-воина, который доводит напряжение всех мускулов до наивысшего предела, раз он дал себе клятву опередить лучшего бегуна соседнего племени, то к концу боль обернулась мучительным недугом уже немолодой женщины – выдохшейся, с губами, перепачканными густой слюной, стекавшей длинными струйками, подобно клочьям белой, остро пахнувшей пены, слетавшей с морды бизона, загнанного человеком.

Скорость бега ей удалось сбавить лишь позже, гораздо позже, когда вязкий снег, в котором она с усилием передвигала ноги, пробивая себе путь, перешел в плотную, ровную, с зеркальным блеском поверхность, утрамбованную таким скоплением измученных людей, лошадей и повозок, которого прежде Шумани видеть не доводилось.

Впереди она заметила фургон на четырех больших расшатанных колесах, в который была впряжена низкорослая лошадка. Внутри ярко-желтого фургона – из-за необычного цвета Шумани моментально выделила его из остальных – среди наваленных кучей тел раненых и убитых сидели измученные, чудом выжившие люди. Весь остаток жизни, а больше ей нечего было предложить, Шумани отдала бы за то, чтобы протянулась чья-нибудь сострадательная рука и помогла им взобраться на повозку – ей и Эхои. Мягкое поскрипывание колес на снегу таило в себе нечто сладостное и придающее силы, вроде сахара, размешанного в очень горячем питье. Ей захотелось забыться в этом звуке, дать ему себя убаюкать, поглотить целиком.

– Возьмите меня к себе! Возьмите, – взмолилась Шумани, – дайте мне местечко рядом с вами!

Но ей лишь казалось, что она говорит, на деле же с губ ее не сорвалось ни слова, настолько отяжелел язык от ледяного воздуха за время безумной гонки. Так что фургон продолжал себе катить со своим сахарным хрустом, а Шумани продолжала бежать рядом.

Высокие колеса со смещенной осью, казалось, пританцовывали на снегу, гипнотизируя Шумани, и она, утратив бдительность, споткнулась. Попав в рытвину, нога подвернулась, и женщина упала, опрокинув Эхои навзничь. Толстое одеяло, в которое девчушка была завернута, смягчило падение, так что она не заплакала, а лишь задрыгала ножками, словно перевернутая черепаха. Из раскрытого рта ребенка вырвался голубоватый парок, а внизу одеяла проступила зловонная жижа.

Желтый фургон вскоре исчез в пурге, словно в жемчужной завесе, но уже приближалась следующая повозка с обгоревшим верхом: на обручах полукруглого каркаса, стукавшихся друг о дружку с металлическим звоном, мотались почерневшие остатки брезента.

Возница, без сомнения, фермер, прокричал Шумани, чтобы она поспешила поднять ребенка и убраться с дороги, иначе он раздавит обоих. Женщина отрицательно покачала головой, давая понять, что не может дальше идти, что ей требуется передышка и она должна во что бы то ни стало сесть в повозку. Она схватила девочку и, держа ее за талию, подняла до уровня своего лба, обратив ребенка лицом к фермеру. Шумани видела, что так делали священники, поднимая крест либо золотую чашу с вином или белыми круглыми тоненькими облатками, и перед этим жестом верующие низко склонялись или даже падали на колени.

Испуганные лошади встали на дыбы. Фермер натянул поводья и выпустил длинную очередь брани – Южная Дакота всегда славилась сквернословами; тяжелая повозка заскрипела, накренилась, словно собираясь перевернуться, а затем встала.

– Черт с тобой, – прорычал возница. – Полезай! Да продолжай держать так своего сопляка, чтобы я видел обе твои руки. До самого Пайн-Риджа. Oyakahniga he?[4 - Поняла, что я сказал?]

– Ocicahnige[5 - Поняла.], – ответила Шумани.

Она была одной из немногих женщин общины Большой Ноги, знавших английский ровно настолько, чтобы понять этим утром, на заре, несколько слов из разговора американских солдат; слов, не оставлявших сомнений в их намерении в случае бунта не щадить ни женщин, ни детей, – именно с этой целью полковник Форсайт доставил сюда пушки Гочкиса[6 - Речь идет о 42-миллиметровой горной пушке Гочкиса, разработанной французской промышленной компанией Hotchkiss et Cie, основанной переехавшим во Францию американским изобретателем и предпринимателем Бенджамином Гочкисом в 1875 году. Использовалась армией США в течение последней четверти XIX – начале XX века.], высокая скорострельность и относительно хаотичный характер стрельбы которых помешали бы индейцам вовремя сообразить, что с ними происходит.

Вскоре взгляду Шумани открылась возникшая на расстоянии нескольких миль группа деревянных строений, в том числе охраняемые солдатами мелочная лавка и почта, над которыми возвышалась колокольня Божьего Дома.

Это была епископальная церковь Святого Креста, на двери которой до сих пор висело расписание служб, чтений Писания и песнопений Рождественской недели. От мороза доски двери разошлись, и сквозь щели просачивался свет, доносились стоны, и ощущался запах горячего воска. Вдруг дверь открылась, на пороге церкви возникла женщина в коричневом платье с двумя ведрами, доверху наполненными окровавленными бинтами, которые она вывалила в поилку для лошадей, куда уже была насыпана негашеная известь.

Шумани спустилась на землю, по-прежнему держа перед собой Эхои, как велел фермер. Со своего возвышения мужчина, оглядев ее, воскликнул:

– Ну и вымазалась же ты на славу!

И расхохотался, поочередно указывая рукой на зловонное одеяло девочки и испачканную физиономию Шумани.

Индианка только улыбнулась в ответ: уж лучше дерьмо, чем кровь, которая сегодня обагрила стольких женщин лакота!

Немота ее еще не прошла, язык едва ворочался, и Шумани поднесла руку ко лбу, а потом к сердцу. Спасибо. Затем она принялась топтаться на снегу, стараясь привлечь внимание стоявшей возле поилки женщины в коричневом платье. Но какой может быть шум от мокасин? Однако мощная волна вони, исходившей от индианки, заставила Коричневое Платье обернуться – наконец-то она заметила Шумани. Та молча показала рукой на Эхои.

– За тобой что, гонятся солдаты? – с беспокойством спросила женщина.

– Кажется, нет, – удалось выговорить Шумани.

– Они вас не оставят в покое, – предположила Коричневое Платье. – Совсем обезумели от ярости. Еще бы – ведь это один из ваших начал заварушку!

– Заварушку?

– Ведь кто-то же выстрелил первым, верно? И этот стрелок не нашел ничего лучше, как убить офицера.

Женщина задумалась на мгновение, обратив взор к прериям, полого взбиравшимся на холмы, поросшие соснами, которые на солнце источали крепкий смоляной запах, – но этим вечером солнце исчезло, и никто из обитателей Пайн-Риджа не мог быть уверен, что увидит его снова.

– Но сюда они войти не осмелятся, – продолжила она, – бешенство их останется за порогом церкви. Во всяком случае, именно в этом я пытаюсь убедить здесь всех, и себя в первую очередь. Меня зовут Элейн, я – учительница.

Шумани, подойдя ближе, протянула ей ребенка. Элейн взяла девочку и прижала к себе.

– Дочка? – спросила она.

– Нет, – ответила Шумани, – найденыш. Мальчика я бы оставила, а ее не могу.

Она объяснила, что живет одна, что ее мужа убили в сражении при Литл-Бигхорне[7 - Битва при Литл-Бигхорне (25–26 июня 1876 года) – сражение между индейским союзом лакота и Седьмым кавалерийским полком армии США у реки Литл-Бигхорн (шт. Монтана), закончившееся победой индейцев.] – Шумани не произнесла слова «вдова», возможно, не зная, как это сказать по-английски, а может, потому, что считала беспомощность, которую ей довелось ощутить, убегая от огня американских пушек, более страшным испытанием, чем вдовство.

Индианка обернулась, оценивая расстояние, которое ей пришлось преодолеть, спасаясь из лагеря Вундед-Ни. Из-за вьюги ей не удалось хорошо разглядеть лощину, по который она бежала, размахивая перед собой маленькой Эхои, словно священник кадилом. Увидела только то, что показалось ей тучами вспорхнувших птиц – красных и желтых, хотя она знала, что зимой под свинцовым небом Южной Дакоты никогда не бывало таких птиц. На самом деле это парили лоскуты бизоньих шкур, покрывавших типи, сожженные американскими солдатами, и теперь, превратившись в пылающие лохмотья, они под действием горячего воздуха пожарищ устремились вверх, подобно стаям птиц.

Там, внизу, где на фоне снега четко вырисовывалось нечто вроде клетки с черными отметинами – обуглившимися жердями типи, – продолжали биться в рукопашной мужчины лакота, сдерживая натиск американцев и тем давая

возможность спастись бегством своим женщинам и детям.

2

Лицо Черного Койота анфас – круглое, плоское, бронзового цвета – напоминало кровавую луну[8 - Луна приобретает «кровавый» цвет во время полного лунного затмения.]; в профиль же широкий нос с трепещущими, глубоко вырезанными ноздрями и почти черные, всегда влажные губы делали его похожим на лошадиную морду.

Черный Койот не слышал требования полковника Форсайта сдать оружие: глухой от рождения, он различал лишь немногие резкие звуки – например, вой ветра или пронзительный скрип черноголовой стеллеровой сойки, сверлящие трели рогатого жаворонка или крики гагары, до странности напоминающие волчий вой. Другие голоса Земли, будь то потрескивание костра на стойбище или бизоний топот, передавались ему в виде вибрации, дрожью проходившей по ногам.

Увидев соплеменников, кидавших оружие в снег, глухой, напротив, высоко поднял свою винтовку. Но не стоило усматривать в его жесте угрозу: он лишь хотел показать, что не намерен с ней расставаться. Винтовка системы Ремингтона с откидным затвором обошлась ему недешево и была единственной надеждой обеспечить себя пропитанием, если бледнолицые, а это было более чем вероятно, рассеют общины лакота, чтобы не позволить им действовать сообща, а значит, неминуемо истребят.

Черный Койот размахивал винтовкой, и, к несчастью, его палец случайно соскользнул с затвора прямо на спусковой крючок. Хватило легкого нажатия подушечкой пальца – чистый рефлекс, не намерение, – и прогремел выстрел, наповал сразивший офицера Седьмого кавалерийского полка.

Американцы – а их было около пятисот человек, – взявшие в кольцо лагерь индейцев возле ручья Вундед-Ни, немедленно начали ответную пальбу из винтовок и револьверов, в то время как четыре легкие скорострельные пушки Гочкиса (французские орудия, импортируемые нью-йоркской компанией «Грэм – Хейнс») открыли с холма огонь – осколочно-фугасными и разрывными

шрапнельными снарядами (прозванными «воронками» или «котелками»), начиненными свинцовыми пулями, – по заснеженной лощине, куда бросились из лагеря, спасаясь бегством, а по сути, загнанные в ловушку лакота.

После первых же залпов полегли сто пятьдесят три индейца, в том числе шестьдесят две женщины с детьми, пока в небе кружило в бешеной пляске вспугнутое воронье.

Вождь общины Большая Нога, умиравший от воспаления легких – сородичи думали, что он не дотянет до утра, – заставил вынести себя из типи и там, снаружи, развернув белый флаг, умолял американских солдат прекратить стрельбу. Но надтреснутый голос Большой Ноги, словно при каждом издаваемом звуке в его горле шевелились осколки, ранившие плоть (из уголков губ вождя выбегали тоненькие красные ручейки), был слишком слаб, чтобы его могли расслышать в оглушительном грохоте битвы, наполнявшем лощину и высоты Вундед-Ни.

Какой-то член общины стал убеждать вождя, что тот должен спасаться бегством. Большая Нога попробовал приподняться, но сил уже не было. Он так и остался сидеть с потерянным видом возле типи. В повязанном на голову шейном платке он напоминал убогую старуху. К нему приблизился офицер и в упор выстрелил. Откинувшись назад, индеец не издал ни звука, на мгновение руки его взлетели, но Большая Нога был уже так слаб, что на последний жест ушел весь остаток сил, и жизнь его покинула. Смерть унесла вождя в тот момент, когда он словно собирался встать, опираясь на левый локоть, и сильный мороз навсегда сковал его в этой промежуточной позе. Никому так и не удалось разогнуть пальцы его правой руки, которая будто собиралась играть пиццикато, по мнению одних – на скрипке, по мнению других – на кастаньетах. Можно было подумать, что он старался сжать пальцы в кулак, да не смог. Снег вокруг окрасился кровью, потом кровь почернела, и снег вместе с ней.

Хижину Большой Ноги сначала скосили пушечным залпом, потом ее охватило пламенем, и вскоре осталась лишь труба печки, любезно предоставленной вождю сиу американской армией.

По просьбе офицеров Седьмого кавалерийского полка Джейсон Фланнери, фотограф-англичанин, прибывший накануне в Пайн-Ридж, сделал несколько снимков печной трубы.

Эти фотографии в случае необходимости могли послужить доказательством лояльности американского правительства к Большой Ноге и его клану.

Джейсон сначала отказывался, ибо считал пустым расточительством портить пластинку зря – в конце концов, он взял их с собой не так уж много, – фотографируя черную трубу посредине пустоты, устремленную в низкое серое небо. Поскольку офицеры настаивали, ему пришлось уступить из страха, что его попросту выдворят с места сражения. По правде сказать, Джейсон вовсе не намеревался собирать свидетельства об этой бойне – в деле Вундед-Ни он оказался замешанным по чистой случайности. Однако вскоре ему стало казаться, что он обязан запечатлеть открывшиеся ему трагические картины, которым мороз придал законченность мизансцены, сковав тела в картинных позах: все эти обвиняюще поднятые персты, застывшее в стеклянных глазах выражение ужаса, разинутые в простодушном протесте рты и, самое главное, мертвых детей, с их слишком легкими, чтобы провалиться в снег, телами, которые по воле ветра свободно скользили вдоль блестящего наста.

Тогда Джейсон Фланнери решил схитрить: хорошо, господа, я увековечу вашу замечательную трубу, только, будьте так добры (откуда там взяться доброте!..), скажите, куда и кому я должен переслать фотопластинку после проявки, – и, говоря все это, он таким образом установил свою дорожную камеру 18?24, чтобы на переднем плане оказался обледеневший труп Большой Ноги, а печная труба стала лишь нелепой деталью фона; так или иначе, офицеры приняли всё за чистую монету.

Вернувшись в Англию, он с помощью несложных операций в темной комнате уберет изображение трубы, так что останется только фигура Большой Ноги в ее необычной позитуре.

И если «Журнал за пенни», «Иллюстрированные лондонские новости», «Журнал за пфенниг», издающийся в Лейпциге, или парижское еженедельное иллюстрированное приложение «Пти журналь» купят у него это фото, чтобы, используя метод ручной гравировки, получить максимально приближенное к оригиналу изображение (сам снимок также может заинтересовать издания, которые с недавних пор публикуют фотографии), то Джейсон не только приобретет известность как профессионал, но и получит пусть и кратковременную, но ощутимую финансовую поддержку.

Из-за снежной бури пришлось ждать целых два дня, прежде чем удалось захоронить тела индейцев лакота.

Джейсон Фланнери воспользовался этим, чтобы исходить вдоль и поперек место, которое солдаты называли полем сражения. Безусловно, они гордились тем, что за короткое время разделались с несколькими сотнями индейцев, в то время как сами потеряли убитыми лишь двадцать пять человек, да и те пали под беспорядочным огнем своих же товарищей в первые секунды перестрелки.

Фланнери сделал множество снимков рассеянных по снегу мертвых тел, застывших порой в невероятно живописных позах, подобно деревьям, причудливо изогнутым или переплетенным стволами по воле матушки-природы.

Когда пурга наконец улеглась, солдаты наняли нескольких гражданских из агентства[9 - Агентство – здесь: административный центр резервации, в которой располагались постройки, где жили белые работники.] Пайн-Ридж, чтобы те вырыли общую могилу, куда вповалку побросали тела убитых. Падая, трупы издавали треск ломающихся веток.

Пока могильщики по случаю прочесывали опустевшее становище, подбирая мертвецов, солдаты рыскали в поисках «сувениров», которые надеялись сбыть за приличную цену. Никто не сомневался, что бойня у ручья Вундед-Ни станет последним эпизодом индейских войн, которые войдут в историю, а значит, музеи откроют охоту за предметами, даже самыми ничтожными, которые, так или иначе, имели отношение к этому сражению.

Самыми ценными реликвиями, несомненно, станут «рубахи духов», сшитые из светлой замши или сурового полотна, отделанные бахромой, кисточками кроличьего меха и фазаньими перьями. Сиу верили, что эти рубахи делали их неуязвимыми для американских пуль. В том виде, в каком их нашли после битвы – продырявленными, изодранными в клочья, заскорузлыми от свернувшейся крови, – они могли служить доказательством того, насколько суеверны, невежественны и безнадежно наивны были индейцы.

– Вам нечего бояться, – говорил Большая Нога своим воинам, – наденьте рубахи, в которых вы исполняете Пляску Духа, и стрельба солдат не причинит вам вреда.

Заснеженная прерия так обширна, что американские пули пролетят над ней, не задевая сиу, – разве летящая птица убила хоть одного охотника лакота? Сила священных рубах такова, что она заставит бомбы изменить траекторию полета, хотя те и представляют для воинов наибольшую опасность.

– Вот так, – прибавил старый вождь, подбросив вверх горсть пыли, – в точности как эта земля.

И пыль исчезла, унесенная ветром, абсолютно безобидная.

Своей уверенностью Большая Нога был обязан одному чародею по имени Вовока из племени северных пайютов, который славился умением исцелять недуги и вызывать дожди у подножия горных хребтов головокружительной высоты.

Приемный сын белого фермера, который перекрестил его в Джека и приобщил к христианству, Вовока прочел Библию. И пришел к выводу: раз белые осмелились убить Сына Бога, ничто не могло помешать им истребить индейцев, которых они считали кем-то вроде животных.

В первый день Луны-Когда-Холод-Приходит-в-Типи произошло солнечное затмение, и Вовока вошел в транс. Пока мрачная серая тень окутывала поля и скотный двор его приемного отца, Вовоку посетило видение: с небес спустился Христос, чтобы уничтожить бледнолицых, некогда его распявших.

Ошибки быть не могло – конечно же, ему явился сам Христос, с ранами на ладонях, стопах и в правом боку, весь в крови, так что его кожа стала красной ото лба до пят: прежний Христос бледнолицых теперь походил на Вовоку и всех индейцев сиу.

Немногим позже (это было между Луной-Когда-Созревают-Вишни и Луной-Когда-Чернеют-Вишни[10 - В период с июля по август.], то есть в разгар лета) полтора десятка племен послали своих представителей на встречу с Мессией. По истечении двух дней на третий Преследующий Журавль сообщил, что ему и общине из племени кроу[11 - Сиуязычное племя Северных равнин.], разбившей лагерь у водопада, явился Христос. Возникший из ниоткуда Богочеловек объявил себя Спасителем Краснокожих: он вернет индейцам прежнюю счастливую жизнь, заставив белых людей отдать им все, что они у них отобрали.

Преследующий Журавль показал письмо, которое доверил ему Вовока.

Дул сильный ветер, и внутри типи все покрылось пылью, но едва Преследующий Журавль начал читать, ветер тотчас стих.

Вернувшись домой, танцуйте без передышки пять дней и четыре ночи, а потом, омывшись на рассвете в реке, разойдитесь по своим типи.

В этом году выпадет много снега, а осенью прольет такой сильный дождь, какого я прежде никогда вам не посылал.

Не говорите об этом бледнолицым. Иисус сейчас на Земле. Он появится в виде ураганного облака. Все ваши умершие оживут – я не знаю, когда они придут сюда, может, этой осенью или будущей весной.

Не отказывайтесь работать на бледнолицых и не ссорьтесь с ними до тех пор, пока не покинете их. В тот час задрожит Земля (этим ознаменуется начало Нового мира), но не бойтесь: с вами не случится ничего плохого.

Танцуйте так каждые шесть недель. Завершайте пляску праздником, и пусть никто не останется голодным. А потом очиститесь в водах реки. Я все сказал. Время от времени я буду давать вам добрые советы. Никогда не грешите против истины[12 - У. Коулмэн. Голоса Вундед-Ни. Линкольн, Небраска, 2000. – Примеч. авт.].

Священный танец, а это и была Пляска Духа, должен был не просто вернуть к жизни мертвецов и бизонов, истребленных на равнинах Северо-Запада, но и полностью восстановить уклад жизни индейских племен, каким он был до нашествия белых людей.

И для дождя было самое время – в Дакоте свирепствовала засуха.

Целый год сиу исполняли Пляску Духа – с Луны-Когда-Линяют-Пони вплоть до Луны-Когда-Нагуливают-Жир[13 - В период с июня текущего года по май следующего.], строго придерживаясь правил, предписанных Вовокой от имени

Христа.

И действительно, небеса разверзлись. Дожди полили с таким неистовством, ударяя в иссохшую землю с победным барабанным боем, что она вскоре превратилась в коричневое, дышащее паром месиво.

Большой Гром, Желтая Грудь, Плоское Железо, Сломанная Рука, Конь Облака, Желтый Нож, Олений Рог, Оглядывающийся Назад[14 - В русских переводах также: Медведь, Оглядывающийся-на-Бегу (или Стоит и Оглядывается Назад).], Бьющий в Барабан, Пинающий Медведь – все эти отважные воины без тени сомнения, опустившись на колени, омыли лица в этой жидкой грязи.

Ливень полностью подтвердил правоту Вовоки: за чудо-дождем стоял Христос. А значит, Пляска Духа была действенным ритуалом: скоро индейцы вернут свои охотничьи угодья, а их предки возвратятся из царства смерти – и двинутся навстречу живым соплеменникам под эгидой Мессии. По общему мнению, это должно было произойти грядущей весной, при условии, конечно, что племена продолжат Пляску Духа до тех пор, пока земля полностью не очистится от бледнолицых.

И сиу танцевали в золотисто-ярком осеннем свете Луны-Окрашенных-Листьев[15 - В октябре.] и пели гортанными голосами посвященных, извлекающих из потаенных недр земли семена Нового мира.

Но именно потому, что наступление Нового мира предполагало разрушение мира существующего, Пляска Духа вызвала ужас у бледнолицых, чья паника достигла наивысшей точки, когда один из самых влиятельных и отважных индейских вождей – Сидящий Бык – провозгласил себя убежденным приверженцем этого культа.

Бюро по делам индейцев в Вашингтоне вынесло вердикт: повсеместно запретить церемонию Пляски Духа. Тем временем американская армия готовилась к подавлению бунтарского движения, которое она считала чрезвычайно опасным. Сидящий Бык получил в голову пулю[16 - На самом деле вождь Сидящий Бык (1831–1890) был убит сразу двумя выстрелами, один из которых пришелся в голову; последний принадлежал сержанту индейской полиции – Красному Томагавку.], причем выпущенную его соплеменником, служившим в индейской федеральной полиции.

Ровно через две недели после этого убийства произошло событие, вошедшее в историю как «Бойня на ручье Вундед-Ни».

3

Стащив с мертвых индейцев их оказавшиеся бесполезными «рубахи духов», солдаты вдобавок сняли несколько скальпов – сильный мороз во многом облегчил им работу.

Джейсон Фланнери присоединился к мародерам и стал фотографировать окоченевшие тела, толком не зная, как в дальнейшем распорядится этими снимками. Но, даже не возлагая на свои труды больших надежд, ему почему-то казалось, что он обязательно должен это сделать. Наверняка несколько местных газет из Рапид-Сити, Пирра или Спирфиша[17 - Рапид-Сити, Пирр, Спирфиш – населенные пункты в Южной Дакоте.] захотят купить у него один-два увеличенных снимка индейцев, скорчившихся в виде черных холмиков на снегу; помещенные на первой полосе фотографии послужат доказательством того, что репортеры этих газет побывали на месте схватки. И конечно, их поместят в обрамлении цветных литографий, свидетельствующих о героизме солдат Седьмого кавалерийского полка.

Уезжая в Америку, Джейсон собирался сделать серию портретов старух лакота, чтобы проиллюстрировать труд, над которым он работал уже больше шести лет. По его мнению, ни у кого больше в старости не было настолько выразительных лиц – изрезанных морщинами, помятых и изношенных. Целью его книги было установить визуальное соответствие между старческими морщинами и дерматоглификой знаменитых преступников, таких, например, как Констанция Кент, убийца, выкравшая из особняка Роуд-Хилл-Хаус четырехлетнего ребенка, которого она зарезала с особой жестокостью, бросив затем труп в отхожее место[18 - См. книгу Кейт Саммерскейл «Подозрения мистера Уичера, или Убийство на Роуд-Хилл» (2008). – Прим. авт.].

Сравнительное исследование Джейсона – на одной странице были приведены отпечатки пальцев, на другой – изборожденные морщинами лица – для широкой публики представляло лишь ограниченный интерес, и автору пока не удалось

убедить издателя. Это вынудило Фланнери предпринять путешествие за свой счет, равно как приобрести на собственные средства дорожную фотокамеру с корпусом красного дерева, центральным затвором «Деко» и красной кожаной «гармошкой».

Книга, если, конечно, ей посчастливилось бы когда-нибудь увидеть свет, имела название – «Вездесущность смерти».

После того как братскую могилу засыпали, Джейсон Фланнери отвинтил бронзовую «бабочку», с помощью которой камера крепилась на треноге, и убрал ее в футляр, взвалив штатив на плечо, хотя солдаты в неверном свете пурги могли принять его за спасшегося и непокоренного индейца лакота.

Фланнери направился к церкви Святого Креста, где собралось множество трясущихся людей, и никто не знал, отчего они дрожат – от ужаса недавней бойни или стужи.

Преподобный отец Кук велел сдвинуть скамьи, чтобы освободить место для размещения раненых, алтарь же и фисгармонию придвинули к стене.

Тем временем повозки продолжали доставлять пострадавших, и смолистый аромат рождественских венков и гирлянд все больше терялся в запахе нечистот и крови.

Никому и в голову не пришло снять висевшее над амвоном полотнище – как раз над головами раненых – с надписью: «Мир на Земле для людей доброй воли».

Джейсон отыскал глазами двух маленьких девочек, находившихся в церкви. Ту, что постарше, звали Эхои. Второй малышке, которую тоже нашли под мертвым телом матери, исполнилось всего несколько месяцев. Выжившие лакота, как оказалось, не знали ее имени. И власти, которых представляли доктор Истмен, мисс Гудейл, учительница в коричневом платье, с которой Шумани встретилась возле поилки, и два служителя церкви, епископ Уильям Хобарт Хар и преподобный отец Кук, записали младшую девочку под индейским именем Зинткала Нуни, и в официальных документах она стала именоваться Потерянной Птицей.

Будь у Джейсона выбор, он предпочел бы взять Потерянную Птицу, которая лишь тоненько попискивала, однако мисс Гудейл, не поинтересовавшись его мнением, вложила ему в руки вопившую и дурно пахнувшую Эхои.

Джейсон поинтересовался, как ему следует поступить с ребенком.

Надо сказать, ему не впервые вверяли судьбу живого существа. Поскольку он был владельцем йоркширского поместья (пусть небольшого, но все же поместья), в его ведении были гуси, осел, три охотничьи собаки, с десяток кошек и немало растений, за которыми приходилось ухаживать, чтобы они смогли выжить в зимнюю стужу. Среди растений, подлежавших его опеке, была, например, агава мексиканского происхождения, которой потребовались годы, чтобы выпустить гигантский цветонос десяти метров высотой, и которая, израсходовав на это все силы, сразу пришла в упадок, что скорее напоминало жертвенность человеческого существа, чем процесс увядания растения.

Доктор Истмен сказал, что Джейсон волен поступить с Эхои как ему вздумается.

– Почти все матери-индеанки убиты, а выжившие слишком поглощены своим горем, чтобы заниматься девочкой, которая для них ровным счетом ничего не значит. Более того, в душе они всегда будут сетовать, что она жива, а их дети умерли.

Врач добавил, что он пытался подкладывать Эхои раненым индеанкам, нашедшим приют в церкви, однако те с ненавистью ее отвергали, как порой овцы отбрасывают прочь осиротевшего ягненка.

– Вы ведь поедете в Англию через Нью-Йорк, не так ли? Значит, вам не составит труда, как только вы прибудете в город, определить ее в приют – эти заведения теперь растут как грибы после дождя, собирая детей иммигрантов, которых родители бросают, едва ступят на землю Америки.

– А если я не соглашусь?

– Отдать в приют?

– Везти девочку в Нью-Йорк. Знаете, это будет непросто – расходы, косые взгляды окружающих…

– Ладно, тогда оставьте. Возможно, ее возьмет кто-нибудь из солдат. Из таких девчушек вырастают отличные служанки. Несколько апатичные, правда, но работящие.

Джейсон Фланнери тут же вспомнил, что у него самого не было служанки. Экономка бы не помешала, но только, избави бог, не какая-нибудь бесплотная тень в черном платье и белом переднике, с утра до вечера снующая по дому, которой для счастья довольно любого пустяка – пирожного, глотка вишневки, мимолетной ласки, ленточки, с которой сам черт не знает что делать, отвечающей на все, что ни скажешь, реверансом. Подлейте мне чаю – реверанс, отнесите утку на кухню – реверанс, вы же видите, Молли, она почти сырая – реверанс, да ступай ты повесься, Молли, жалкая идиотка! – реверанс.

Он рассказал доктору поучительную историю об одной из таких девушек, которой хозяин велел «пойти и удавиться»: через три часа ее обнаружили на чердаке – покорную, мертвую, болтавшуюся в петле над корзиной с дозревавшими яблоками.

– Может, и правда сделать из нее служанку?

– Почему бы и нет, если запастись терпением…

Джейсон подумал, что в свое время ему хватило терпения, чтобы дождаться цветения агавы.

И все же Фланнери принял решение взять ребенка с собой. Он отделит ее от остальных спасшихся детей, и Эхои не войдет в число выживших в этой бойне. Тут девочка снова заверещала, и Джейсон взмолился, чтобы она поскорее смолкла.

Эхои было на тот момент года три-четыре. Сколько точно, Джейсон не знал и так и не узнал. Когда он впервые взял ее на руки (в тот самый день, то есть 29 декабря 1890 года), он думал совсем о другом, и ему не пришло в голову

поинтересоваться ее возрастом; впрочем, он не говорил на языке лакота, а она не понимала по-английски.

В тот день, смыв заскорузлые остатки рвоты с круглого личика девочки, покрывавшие его, словно толстый слой «штукатурки», которой умащивают лица старые актрисы (именно актрисы на излете карьеры составляли лучшую клиентуру Джейсона: благодаря им он смог оплатить путешествие и все, что требовалось для его трудов, в частности, для «Вездесущности смерти»), он собирался было положить ребенка на солому, которую доктор Истмен и преподобный отец Чарлз Кук прямо на полу постелили для раненых, которым не хватило места на скамьях, однако малышка крепко вцепилась в него, впившись зубами в ворот куртки, а заодно и в шею. Он попробовал высвободиться, но едва коснулся сжатого кулачка ребенка, как Эхои завопила, да так пронзительно, что Джейсону показалось, будто ему в барабанные перепонки ввинтились холодные стальные буравчики.

Он оглядел лежавших на соломе женщин лакота в надежде, что одна из них решится взять на себя заботу о девочке. Если Эхои и не была их ребенком, то уж точно принадлежала к их соплеменникам – достаточно было посмотреть на ее лунообразную мордашку, медно-желтую кожу, глаза-щелочки и черные волосы, густые и блестящие.

Но Эхои никого не заинтересовала.

Ребенок уснул, положив голову на педали фисгармонии. Когда во сне девочка повернулась, она непроизвольно нажала одну из педалей, и раздался протяжный стонущий звук: что это был за регистр – «фагот» или «бурдон»? К счастью, вторая педаль оставалась в покое.

В ту ночь вовсю свирепствовала непогода. Под пронзительный вой ветра с небес на равнину обрушивались потоки грязевого дождя, смешанного со снегом и ледяной крошкой.

Джейсон Фланнери быстро понял, чего от него ждали: он должен, чем раньше, тем лучше, увезти Эхои подальше от церкви, где ни ему, ни ей не было места – ведь они не относились ни к раненым, ни к сиделкам, ни даже к американцам.

Судьба другой сироты, Потеряной Птицы, похоже, тронула сердце бригадного генерала, и тот, пренебрегая армейским уставом, выразил желание ее удочерить. Генерал уже придумал ей имя, более представительное, чем Зинткала Нуни: она станет Маргарет – Маргарет Колби.

Объединив усилия, доктор Истмен и мисс Гудейл убеждали Джейсона, что, оказавшись в Нью-Йорке, он с легкостью избавится от Эхои. Конечно, если он не решит подержать ее у себя до отплытия парохода в Англию. Почему бы и не воспользоваться возможностью сделать несколько снимков, которые он сможет продать под заголовком «Дитя кровавой бойни»? Текстура и цвет кожи Эхои таковы, что даже крохотная слезинка на фотографии выйдет прекрасно. А уж он поднаторел на таких портретах: знает, что сказать и, главное, каким тоном, чтобы вышибить слезу у старушек-актрис, беседуя об их славном прошлом. Внезапный прилив слезной жидкости придает сухим, выцветшим глазам требуемую влажность, которая словно растворяет красные прожилки, желтые крапины, белесые пятна. Улучшение кратковременное, бесспорно, но все-таки достаточное, чтобы снять полдюжины удачных кадров. Эхои, правда, слишком мала, чтобы вызвать у нее слезы, прибегая к воспоминаниям, но хорошему фотографу хватит и двух-трех капелек глицерина в уголках глаз модели, к тому же у глицерина есть свои преимущества: он стекает медленно, оставляя на щеке блестящий след, и притом не высыхает куда дольше, чем натуральные слезы.

Главной заботой Джейсона теперь было найти экипаж, чтобы добраться до железнодорожной станции Чадрона[19 - Чадрон – поселок в графстве Дауэс (штат Небраска).].

Между тем епископ Уильям Хобарт Хар посоветовал от этого отказаться. Перед Чадроном поезд железнодорожной компании «Фримонт, Элкхорн и Миссури-Вэлли» делает остановку в Форт-Робинсоне, где в него садится много военнослужащих. Солдаты наверняка находятся под впечатлением от недавней трагедии в Вундед-Ни, которую власти постарались представить как подлое предательство со стороны индейцев сиу по отношению к американской армии.

Нет, епископ и мысли не допускал, что солдаты способны физически расправиться с ребенком, но гнев их вполне мог обернуться против того, кто сопровождал девочку. Истмен же придерживался другого мнения: на его взгляд, главная опасность могла подстерегать вовсе не в поезде компании «Фримонт,

Элкхорн и Миссури-Вэлли», а в дороге от Пайн-Риджа до Чадрона, которые и разделяли-то всего миль двадцать пять. Куда большую тревогу вызывали у врача белые фермеры, чьи владения им неминуемо придется пересекать. Распаленная местными газетами, редакторы которых освещали события в Вундед-Ни с фанатизмом военных корреспондентов, часть фермеров схватится за оружие, чтобы завершить дело, начатое солдатами, то есть поквитаться с уцелевшими индейцами, которые станут прекрасной мишенью на ослепительно-белом снегу.

Самым легким Джейсону казалось достать пару лошадей: одну для фотографического оборудования, другую – для них с Эхои, ребенку лакота вряд ли окажется в новинку езда верхом; но вот сам он, скорее всего, не сможет держать поводья – все руки у него были в ранах, порой глубоких, часть которых до сих пор кровоточила, а все потому, что он не надел перчаток, когда фотографировал мертвых индейцев: для работы с камерой и хрупкими фотопластинками требуются ловкость и особая чувствительность пальцев, а значит, пришлось все делать голыми руками, несмотря на сильный мороз.

Он решил нанять повозку. Конечно, для белых фермеров повозка стала бы прекрасной целью, особенно если учесть, что единственным свободным в тот момент оказался тот самый ярко-желтый фургон на больших расшатанных колесах, за которым тщетно бежала Шумани.

Владельцем фургона оказался бакалейщик по фамилии Банч – Мэлори Банч, разбогатевший на производстве и продаже «лошадиного лакомства» из овса, патоки и тертых фруктов. Обитавший в графстве Шеридан соседнего штата Небраска, Банч пересек границу якобы для того, чтобы предложить кое-какую мелкую работу праздным чадам резервации Пайн-Ридж, для чего по бокам, спереди и сзади его желтую повозку украшали надписи, выведенные готическими буквами: «Лошадиные деликатесы от Банча», обозначавшие его социальный статус; однако правда заключалась в том, что он просто использовал любую возможность, чтобы вновь увидеть серые глаза и бледно-розовые губы Элейн Гудейл, в которую был влюблен. Мэлори Банч испытывал постоянную потребность смотреть на глаза и губы учительницы, особенно на губы, чтобы запечатлеть их в своей памяти, где он будет их хранить до того момента, пока не решится оттуда извлечь, и тогда бакалейщик, растянувшись на спине, весь отдастся наслаждению (чаще всего это происходило по утрам, еще в постели), правая рука его спустится по животу вниз и начнет сжимать и

подергивать напрягшийся член, возбужденный образом прекрасной Элейн.

Однако на этот раз события, произошедшие в Вундед-Ни, лишили Мэлори Банча возможности совершить ритуал мысленного созерцания возлюбленной: с тех самых пор Элейн Гудейл не покидала епископальной церкви, а если и выходила оттуда, то с покрасневшими глазами, а ее дыхание, срывавшееся с бледных губ, отдавало рвотой. Так что, когда Банч попытался мастурбировать, думая об Элейн, перед ним не возник свежий образ, за который он мог бы зацепиться, – память его была пуста. Поэтому бакалейщик без раздумий согласился на предложение Джейсона Фланнери уступить фотографию мисс Гудейл, если он доставит англичанина на железнодорожную станцию Чадрона.

– А хорошо ли она вышла?

– Может, я слегка ее идеализировал, – допустил Джейсон. – Мне хотелось воплотить образ «ангела над полем битвы».

– Что значит «над полем битвы»? – забеспокоился Банч. – Отдаленный силуэт мне ни к чему.

– Да нет, план крупный: главное – ее взгляд и губы. И то и другое словно подернуто влагой. Глаза – потому, что невозможно смотреть без слез на то, что они видят, а губы – потому, что она только что провела по ним языком.

Банч вздрогнул. Он так и представил себя дома, в Небраске, лежащим перед изображением облизанных губ; он обязательно укрупнит снимок и напечатает его на матовой бумаге, чтобы никакой случайный отблеск лампы или пробравшийся солнечный луч не испортил ему удовольствия.

– А портрет уже можно увидеть?

– Нет, пока он лишь на светочувствительной пластинке, которую вам еще нужно проявить.

– И кто мне это сделает?

– Да любой фотограф графства Шеридан, полагаю.

– А если там, где я живу, не найдется фотографа?

– Значит, найдется в соседнем городке.

Бакалейщик тут же заметил, что они находятся в Америке, где все нацелено на выгоду, и ни один здравомыслящий человек не станет делать бизнес из фотографирования, если можно получить вдесятеро больше, торгуя алкоголем или изгородями. Банч-то как раз предпочитал изгороди – вот чем бы он занялся, доведись начать жизнь сначала! Ведь спрос на этот товар никогда не иссякнет: владелец ранчо должен приобрести не только колья и проволочную сетку, но еще и кучу инструментов, чтобы смонтировать и установить забор. Хитрость коммерсанта состояла в том, чтобы за умеренную плату предложить клиенту колья и сетку и отыграться на ценах за пилу, молоток, кусачки, гаечный ключ, гвозди-скобки для крепления сетки, а также битум, которым как минимум раз в год необходимо пропитывать колья на уровне земли.

– Держу пари, нам придется объехать множество графств в обеих Дакотах – Северной и Южной, – прежде чем мы отыщем безумца, который решился открыть фотографическую лабораторию, – проворчал Мэлори Банч, покачав головой.

– Довезите нас живыми и здоровыми до Чадрона – и обещаю, что сам займусь вашей фотографией.

– Нас? – удивился лошадиный кондитер.

– Меня и девочку, которая со мной путешествует.

– И как ее зовут, эту девочку?

– Эмили, сударь, – произнес Джейсон.

Первое английское имя, пришедшее ему на ум, отдаленно и смутно напоминало Эхои – в обоих были три слога и конечная «и».

Поезд шел на восток – два дребезжащих вагона, прицепленные к локомотиву 4-8-0 «Мастодонт».

Сначала Эмили из всех сил сопротивлялась, не желая садиться в поезд. Чтобы заставить девочку продвигаться, Джейсону пришлось ее подталкивать, точно упрямого бычка, тыча то в плечи, то в бедра заостренными концами штатива Саттона[20 - Томас Саттон (1819–1875) – английский фотограф, инженер и изобретатель.], который он нес на плече.

Но в вагоне Эмили осмелела, поскольку любопытство одержало верх: желание узнать, как устроена внутри эта длинная, изрыгающая пар повозка, которую ей доводилось видеть лишь издали и вслед которой ее соплеменники посылали чудовищные проклятия, заставило девочку на время забыть об ужасе, испытанном в снегах Вундед-Ни, о потере всех жизненных ориентиров и невозможности общаться с человеком, отныне определявшим ее судьбу, о которой ей тоже ничего не было известно.

Оказавшись там, куда они едут, он наверняка убьет ее, чтобы содрать с нее кожу и съесть остальное.

Именно такая судьба была уготована всем животным, не считая лошадей, которых лакота брали с собой, когда меняли стойбище. Разве были причины у человека, завладевшего ею, поступить иначе? Он продаст ее бледнолицым на мясо, если не считать немного кожи и совсем чуть-чуть жира; ей вспомнилось, как Шумани оторвала ее от матери и потащила по заснеженному полю, ухватив за ноги – в точности как курицу или кролика.

Впрочем, этот человек ни разу с ней не заговорил (да и кто разговаривает с едой?), иногда он смотрел ей прямо в глаза, но чаще искоса, словно примериваясь, как бы половчее ее убить, продать либо пустить в пищу.

Но пока ничто не мешало Эмили жить полной жизнью маленькой девочки, не мешало играть и развлекаться. С восторженным повизгиванием она хлопала ладошкой по искрящимся хлопьям летучей золы, проникавшим в вагон через окно и садившимся ей на кожу, словно то были кусачие насекомые. Это занимало

ее довольно долго. Но потом ветер переменился, вылетавшие из дымовой трубы искорки перестали попадать в вагон, растворяясь в пейзаже за окном, и тогда девочка, свернувшись калачиком, уснула.

Джейсон Фланнери никак не мог дождаться момента, когда ему удастся хорошенько вымыть Эмили.

На конечной остановке железнодорожной линии компании «Фримонт, Элкхорн и Миссури-Вэлли» они пересели на поезд Центральной железной дороги Иллинойса, который довез их до Чикаго.

Считавшийся скорым, поезд тем не менее больше получаса тащился по пригороду, переходя с одного пути на другой, как спица меняет местами петли, вывязывая узор; да и само это расширяющееся на глазах переплетение железнодорожных путей напоминало расположение нитей в мотке грубой коричневой шерсти. Вдоль рельсов бежали люди, пытаясь догнать товарные поезда, на которые, видимо, собирались взобраться. На некоторых вагонах были намалеваны сентенции религиозного толка: «Иисус спасет грешника, если тот раскается» или «Расскажи Господу о своих трудностях, ибо молитва может изменить ход вещей». Джейсон не верил в силу молитвы. После смерти Флоранс он вообще не верил в Бога.

Поезд въехал в зону чикагских скотобоен – огромного скопления загонов для скота, которое с высоты птичьего полета казалось гигантским крестом; на задней площадке вагона казалось, что поезд словно прорывается сквозь тошнотворное, насыщенное влагой облако – настолько пар, поднимавшийся от убойных цехов, был напоен каплями крови и жира.

Под мостом, перекинутым через реку Чикаго, текла темная маслянистая жидкость, на поверхности которой лопались пузырьки газов, образовавшихся при разложении остовов забитых животных, которые сбрасывали прямо в воду. Загрязнение реки достигло такой стадии, что поговаривали, будто можно спокойно перебраться на другой берег, идя по поверхности воды, ставшей густой, как магма.

Грохот поезда перекрывался жалобным мычанием скотины, почуявшей приближение смерти. Эмили подумала, что, похоже, и ее путешествие подходит к концу. Наверное, совсем скоро она станет одной из туш, которые порой

видела, когда поезд проезжал над помостами с бортиками, где теснились испуганные животные; рядом покорно покачивались подвешенные на крюках туши – коричневые, еще дымившиеся. Воздух был насыщен пылью и волокнами шерсти, которую безотчетный ужас вырывает из кожи животного не хуже шкуросъемной машины.

Подумав об этом, Эмили заплакала.

Заметил ли ее слезы Джейсон? Так или иначе, он взял ее за руку и не выпускал до тех пор, пока они не заняли свои места в спальном вагоне поезда Нью-Йоркской центральной железной дороги.

Чем дальше они отъезжали от Южной Дакоты, тем меньшему числу людей было известно о том, что произошло в Вундед-Ни. Многие вообще ничего об этом не слышали. Но из газет, которые Фланнери покупал во время каждой остановки поезда, он узнал, что на следующий же день выжившие в бойне сиу подожгли несколько домов католической миссии и атаковали из засады эскадрон Седьмого кавалерийского полка, солдаты которого спаслись только благодаря вмешательству бойцов Девятого полка.

Среди солдат имелись убитые и раненые, и Джейсон опасался, как бы кто-нибудь не узнал, что Эмили – одна из сиу, и не попытался отыграться на ней, мстя за военных. Поэтому он благоразумно выбрал ночной рейс, прибывавший в Нью-Йорк ранним утром, еще до рассвета.

Фланнери предупредил проводника двадцать третьего вагона, что ему поручено доставить в специальный приют ребенка, имеющего ряд особенностей: например, выражается только звукоподражаниями и отрывистыми гортанными криками, да к тому же распространяет вокруг себя дурной запах – последний аргумент казался Джейсону, крайне чувствительному к телесным запахам, достаточно убедительным, чтобы отбить у служащего Нью-Йоркской центральной железной дороги охоту познакомиться с девочкой поближе.

Проводник порекомендовал ему не приводить малоприятного ребенка в вагон-ресторан и вообще стараться не выпускать его из купе до прибытия в Нью-Йорк. Он выразил сочувствие Джейсону в связи с тем, что тому приходится терпеть столько неудобств, и поднес два пальца к лиловой форменной фуражке.

Вопреки ожиданиям, она не умерла. Человек, находившийся рядом, не стал ее убивать. Они сели в очередной поезд и оказались в крохотном помещении с перегородками из полированного дерева с двумя очень узкими кроватями, одна над другой. Подняв девочку на верхнюю полку, Джейсон силой заставил ее лечь, надавив на плечи. Раздевать Эмили он не стал, подумав, что, возможно, она никогда не спала на простыне, и уж тем более не спала голышом, так что девочка вполне могла воспринять прикосновение к телу жесткой, сильно накрахмаленной ткани как агрессию.

Да и точно ли ему вменили в обязанность заниматься этим грязным ребенком? Теперь он уже не был в этом уверен. Возможно, ему просто намекнули, а он придал намеку большее значение, чем следовало. Он вовсе не был легко внушаемым человеком, разумеется, он себя таким не считал, но профессия научила его безропотно принимать некоторые очевидности: лицо – это лицо, холм – холм, солнце – солнце; для фотографа большинство вещей и явлений принадлежат к так называемой объективной реальности, к тому, что навязывается человеку извне: недостаток света или, наоборот, пекло, туман, размывающий изображение на фотопластинках, толпа толкающихся людей, которые в конце концов опрокидывают твою камеру, или птичка, за которой ты часами наблюдаешь, выбирая нужный ракурс, и в тот самый момент, когда твоя рука уже собирается сдавить грушу затвора, какой-то приблудный кот хватает птаху и утаскивает, волоча крыльями по земле, – такие вещи невозможно ни предвидеть, ни предотвратить.

Допустим, пришел он к выводу, в конечном счете никто и не настаивал, чтобы он отвез Эмили в Нью-Йорк; так не лучше ли причислить к объективной реальности тот факт, что они оказались здесь вдвоем?

У него вдруг появилась мысль скрыть от девочки, что он англичанин, представиться ей неким положительным янки, чтобы доказать, что не все американцы – убийцы индейцев. Но для этого нужно было как-то общаться. Между тем не далее как вчера (если только не позавчера?) на платформе одного из бесчисленных вокзалов, на которых они побывали, делая пересадки, он попытался назвать ей свое имя. Ткнув себя пальцем в грудь, несколько раз повторил, четко выговаривая: «Я – Джейсон, мое имя Джейсон».

Эмили вытаращила глаза, сморщила нос и отскочила, словно он сказал что-то ужасное. Она чуть не упала на рельсы, и Джейсон едва успел выбросить руку вперед и подхватить ее, как раз в момент, когда по путям на огромной скорости промчался локомотив с прицепом. Пальцы его схватили девочку за первое, что им подвернулось, – за волосы, вцепились в них и с силой потянули. Эмили взревела – больше от неожиданности, чем от реальной боли, но пронзительный звериный крик сразу выдал в ней дикарку – по крайней мере, по мнению Джейсона, обеспокоенного тем, что могли подумать пассажиры, стоявшие вместе с ним в ожидании поезда. И тогда он поспешил закрыть ей рот рукой, надеясь, что она не воспользуется этим, чтобы его укусить. Но просчитался – его укусили. По отпечатку зубов Джейсон узнал, что один из клыков (левый) был у нее намного острее другого, он вонзился в руку так глубоко, что выступила капелька крови.

– Спи, малышка, завтра у нас будет трудный день.

Эмили ничего не ответила, только открывала и закрывала рот, словно рыба, выброшенная на берег. Девочке очень хотелось пить, но она не знала, как об этом сказать, особенно иностранцу. Она вообще не была приучена что-либо просить, ей все приходилось делать самой. Ведь она пришла из мира, в котором не было границ, мира, где всего было вдоволь, свободного, доступного, где так легко было что-то сорвать, подобрать или поймать, по крайней мере, ребенку, который знал, в каком овражке, на каком холме, на ветке какого дерева можно удовлетворить свою потребность; зато теперь ее заперли в подобие деревянного ящика, крышка которого так низко над ней нависла, что теплое дыхание девочки превращалось на ней в капельки пара – неужели ей придется довольствоваться этой влагой, чтобы хотя бы смочить губы?

Отсоединив от футляра, в котором он носил фотокамеру, ремень, Джейсон воспользовался им, чтобы привязать девочку за щиколотку к полке, чтобы та не покинула свое ложе.

Его поразило, насколько эта щиколотка оказалась шершавой, а подошва ноги твердой, как деревянная подметка.

Ребенок молча вытерпел все, не сопротивляясь.

После этого Джейсон направился в вагон-ресторан, намереваясь как следует набраться, чтобы, опустив голову на подушку, немедленно заснуть – это лучшее, что он мог сделать, дабы избавить себя от дурного запаха Эмили, который ночью мог только усилиться, если учесть, что в купе было очень тесно.

Стоило Джейсону закрыть за собой дверь, как девочка привстала и, ловко изогнувшись, отвязала ремень, которым была привязана к полке за левую ногу.

И вовсе не для того, чтобы сбежать, а чтобы пожевать смоченный слюной кусочек кожи, напомнивший Эмили запахи шкур, шерсти и перьев, такие же близкие и родные ей, как и всем обитателям Великих равнин, включая животных.

Когда Джейсон вернулся, она уже крепко спала, убаюканная стуком колес.

Фотограф слишком много выпил и не заметил, что девочка избавилась от ремня, которым была привязана за щиколотку.

Он рухнул на постель и сразу же провалился в сон.

Ночью Эмили скакала верхом по охотничьим угодьям лакота; ему же снился романтический ужин после посещения одного из лондонских театров Вест-Энда.

5

В Нью-Йорке, словно пурга неслась за ними вслед, фотографа и ребенка встретил тот же плотный липкий снег, увековечивший смертный миг индейцев сиу, павших возле ручья Вундед-Ни.

На Центральный вокзал их поезд прибыл с четырехчасовым опозданием. И это еще ничто по сравнению с другими составами, чьи локомотивы, не оборудованные отбойниками-путеочистителями, оказались бессильными перед снежными заносами.

Джейсон Фланнери и девочка покинули здание вокзала и пошли по Восточной 42-й улице. Небо над ними напоминало огромную клетку, состоявшую из переплетения тысяч телеграфных проводов. Несмотря на опасность, которую представляли собой движущиеся трамваи, обледенелые «рога» которых в любой момент могли упасть и задеть прохожих, Эмили шла прямо посреди улицы, казалось, безразличная ко всему. Девочка закатала повыше рукава своей «рубахи духов», чтобы лучше ощущать прикосновение падающих снежинок к голой коже, еще испещренной крохотными точечками-ожогами от паровозных искр.

Она беспрестанно перебегала от одной лужицы света к другой (как ни удивительно, уличное освещение еще продолжало работать), и Джейсону то и дело приходилось ее догонять, чтобы девочка не потерялась.

Хотя Нью-Йорк и считался одним из самых зловонных городов мира – недаром говорили, что моряк ощущает его душок еще в море, за три дня до прибытия в порт, Джейсон и подумать не мог о том, чтобы передать Эмили в приют, предварительно не вымыв с головы до пят.

Сначала он решил, что самое лучшее будет снять номер в гостинице с ванной комнатой. Мысль поскорее погрузить девочку в горячую ванну, а потом выкупаться самому, разумеется, предварительно сменив воду, была очень соблазнительной, однако Фланнери предположил, что ему придется заполнять регистрационный журнал, а он вряд ли вспомнил бы ее странную индейскую фамилию, состоявшую из непривычных – одновременно и мягких, и скрипучих – звуков, не говоря уже о том, что он не имел представления о дате и месте ее рождения; не знал Джейсон и того, как ему лучше представиться: дядей, опекуном или простым служащим, которому поручено передать ребенка в приют.

А уж если у портье отеля возникнут подозрения, он непременно вызовет полицию, и тогда Джейсону придется удирать, подло бросив девочку, которую ему следует доставить в сиротский приют, чтобы она не пополнила ряды беспризорников, «уличных арабов», как их здесь называют, намекая на сходство с кочевыми племенами Среднего Востока; их в городе, по последним данным, уже тридцать тысяч, но наверняка и все пятьдесят, а то и сто – девчонок и мальчишек, не имеющих ни своего угла, ни привязанностей, которые снуют, как зверьки, между стенами кирпичных домов по узким, не видящим солнечного

света улицам; сто тысяч крысят обоего пола, что копошатся и пищат возле притонов на Малберри-стрит, в трущобах Файв-Пойнтса[21 - Файв-Пойнтс – площадь в Нью-Йорке, где сходятся пять улиц; в первой половине XIX века – бедный район, известный своими притонами.] либо возле типографий крупных газет, где они порой умудряются стянуть несколько экземпляров, чтобы потом из-под полы их продать.

Джейсон остановил свой выбор на общественных банях, надеясь, что в заведениях такого рода не обращают особого внимания на возраст клиентов.

В газете, купленной еще в поезде, значились несколько адресов турецких и русских бань.

Сначала фотограф повел девочку в турецкие «Бани Эверарда», разместившиеся в бывшей церкви, где по бокам дверей стояли два столба с круглыми плафонами, какие можно видеть при входе в здания полиции. К несчастью, как и большинство нью-йоркских бань, они предназначались исключительно для мужчин.

После нескольких бесплодных попыток на углу Лексингтон-авеню и 25-й улицы Джейсон по чистой случайности обнаружил подходящее заведение, принадлежавшее некоему доктору Энджелу.

Разумеется, учреждение это было скорее медицинской направленности, где предусматривалось лечебное воздействие водных процедур, а не просто баней с элементарной заботой о гигиене тела, но доктор Энджел уже тем был хорош, что додумался полностью отвести один из этажей двухэтажного здания под женское отделение.

Джейсону и самому-то было затруднительно подвести это сопровождавшее его маленькое вонючее существо под категорию женщины, но, когда он ловко намекнул, что страшный снегопад, буквально парализовавший движение в городе, вряд ли будет способствовать увеличению числа клиентов, служащая доктора Энджела пришла к выводу, что действительно не стоит уж слишком привередничать.

Эмили, получив пештемаль[22 - Традиционное турецкое полотенце для бани. – Прим. авт.] и сандалии на деревянных подошвах, покорно дала банщице увести себя наверх. Втянув ноздрями теплый влажный воздух, пробивавшийся из-под двери, она через плечо оглянулась на Джейсона – этот взгляд, удивленный и счастливый, фотограф сможет объяснить себе позже, когда Эмили расскажет ему о ритуальной «хижине для потения» – инипи на языке лакота, что означает «родиться заново». Хижину плотно закрывают шкурами, чтобы в ней лучше сохранялся жар от помещенных внутри докрасна раскаленных камней. Достаточно войти в эту круглую, пузатую «баню», чтобы почувствовать себя в материнской утробе, как родной матери, так и самой Земли.

Когда Эмили жила в Южной Дакоте и звалась Эхои, она была еще слишком мала, чтобы принять участие в «очищении» и войти в «хижину для потения». И только в Нью-Йорке, в турецкой бане, украшенной восточными орнаментами, когда ее нежная детская кожа была до красноты обласкана обжигающим паром, насыщенным ароматами розы, мускуса, бергамота, лаванды и лесного мха, девочка-лакота приобрела опыт «вторичного рождения», что достигается прохождением ритуала инипи.

Впервые за все время, прошедшее с момента, когда ее соплеменники двинулись в путь, чтобы найти гибель в кровавой бойне у ручья Вундед-Ни, Эмили без страха взглянула на этот мир и незнакомых людей, которые отныне ее окружали.

Когда служащая доктора Энджела попросила Эмили покинуть сводчатый зал бани, девочка улыбалась. Она продолжала улыбаться, и увидев Джейсона. И все еще улыбалась, когда они вышли на заснеженную улицу.

– Ну а теперь, – сказал фотограф с воодушевлением, – пора в приют!

После того как он отдаст девочку в надежные руки, предварительно сделав ее снимок не без помощи глицериновой слезы, сползающей по щеке, он спустится к пирсу судоходной компании «Инман Лайн», где было пришвартовано судно, идущее в Ливерпуль.

Уж он-то обязательно постарается прийти в порт пораньше, с хорошим запасом времени. Джейсону всегда нравились недолгие часы перед отбытием поезда или

парохода, когда ты наслаждаешься предвкушением путешествия; да и есть ли что-то приятнее этих бездумно расточаемых минут, когда ты бродишь под высокими закопченными от дыма окнами вокзала, разглядывая снующую толпу, а то вдруг угодишь в самую ее гущу, когда тебя задевают, едва ли не хлещет по тебе чужая одежда: дорожное пальто, полудлинный сюртук, блуза железнодорожного рабочего или отделанная золотым галуном форма морского офицера, все эти зонтики и кожаные саквояжи; внезапно ты ощущаешь на губах легкий, волнующий привкус рисовой пудры, терпкий запах духов – и вот ты уже настраиваешь камеру, чтобы запечатлеть неожиданный ракурс шляпки, обессмертить миг, когда ветер пленительно вздымает вверх вуалетку, защищающую ее владелицу от паровозных искр, или превращает в птицу батистовый платочек с вышитой корзиной цветов или графским гербом, и тогда эта невообразимая смесь, сотканная из спешки, изысканности и тревожного ожидания, вызывает у тебя острое желание выпить, но желание по-своему утонченное, не лишенное шика; и ты направляешься в буфет, выпиваешь две-три рюмки марочного коньяка либо бокал шампанского, и жизнь вновь кажется тебе прекрасной.

Вечером, если Гудзон скует льдом, отплытие задержится, возможно, на целые сутки, однако две тысячи пассажиров смогут с комфортом разместиться на борту судна, где им будут предложены закуски и развлечения, словно «Сити оф Пэрис»[23 - «City of Paris» (англ.); «City of…» – названия судов британской судоходной компании Inman Line.], один из самых больших и быстроходных лайнеров своего времени, с пятью палубами и двумя дымовыми трубами, уже находился в открытом море.

Логически рассудив, что сиротские приюты, скорее всего, обретаются в самых бедных нью-йоркских кварталах, Джейсон Фланнери и Эмили направились в Нижний Ист-Сайд.

По дороге им встречались люди, которые прорывали в сугробах что-то вроде ям, куда закладывали деревяшки и всякий мусор, а затем все это поджигали, чтобы растопить снег.

Чтобы спросить дорогу, Джейсон заглянул в один из полулегальных игорных домов, которые росли тут как грибы; за два цента там можно было получить порцию желтоватой жидкости, в которую содержатель притона добавлял какое-то вещество, что делало ее пенной и хотя бы с виду похожей на пиво.

Ему пришлось выпить этого фальшивого пива на десять центов, что соответствовало примерно пяти пинтам, когда наконец в одном из притонов на углу Бауэри-стрит итальянец в рубахе с пышными рукавами и в широких подтяжках сказал, что на Уорт-стрит в здании под номером сто пятьдесят пять находится «Дом промышленности квартала Файв-Пойнтс», одна из самых действенных и заслуживших всеобщее признание благотворительных организаций, которая занимается воспитанием беспризорных детей. По словам итальянца, приют размещался в прекрасном шестиэтажном особняке, где помимо школьных занятий девочек обучали шитью, а мальчиков – сапожному делу.

Вот уже семь или восемь лет приют «Файв-Пойнтс» специализировался на приеме в свои ряды маленьких азиатов, чьи родители, ставшие жертвами «Акта об исключении китайцев»[24 - «Акт об исключении китайцев» (1882–1943) – особый закон Конгресса США, изданный в ответ на массовую иммиграцию китайцев на запад страны. Закон запретил любую китайскую иммиграцию и натурализацию уже проживающих в США китайцев (однако родившиеся в США дети китайцев считались уже гражданами США).], запретившего въезд в страну китайским наемным рабочим, покинули Калифорнию, куда когда-то приплыли.

– Ваша девчонка – китаянка, так что ее примут без лишних разговоров.

– Нет, она не китаянка.

– Какая разница, похожа на китаянку, и ладно. Напяльте на нее халат, расшитый драконами, – и дело в шляпе. Все это вы найдете у Вонга в лавчонке на антресолях, двумя улицами ниже Бауэри-стрит. Да халат-то выберите голубой, и чтоб драконы желтые, – прибавил итальянец, оглядев девочку с видом знатока.

И верно, девочка с черными густыми волосами, круглым личиком и слегка раскосыми глазами вполне могла сойти за китаянку.

Но китаянка или не китаянка, а только Эмили еще не исполнилось шести лет, но даже если бы и исполнилось, что, кстати, не было настолько невероятным, если обратить внимание на ее взгляд, порой не по-детски зрелый, все равно у Джейсона не имелось документов, чтобы это подтвердить. Дело в том, что организации, ответственные за выживание и образование уличных детей, не были приспособлены для ухода за такими малышами.

У Джейсона еще оставалось немало времени до того, как он должен был подняться на борт «Сити оф Пэрис», и поэтому он решил не отчаиваться и обратиться в другие благотворительные учреждения, которые имелись на каждой здешней улице.

Большинство занималось формированием «сиротских поездов», которые транспортировали беспризорников в сельскую местность Среднего Запада. Эта форма надзора за сиротами имела успех. Ребята были рады обрести новые семьи, а те, в свою очередь, с удовольствием получали в их лице дармовых помощников (на первых порах работавших с большим рвением).

Часто потенциальные приемные родители писали в приюты, выражая свои пожелания:

С радостью возьмем в семью белокурую голубоглазую девочку, которая станет нашим домашним ангелом, но в то же время этот ангел не должен быть слишком хрупким, ведь ему понадобятся силы для прополки люцерны, дойки коров и заготовки кукурузы на силос. Если не найдется блондинки, будем рады и крепенькой брюнетке…

Причиной этого энтузиазма была не только выгода от участия приемыша в полевых работах: на фермах Миннесоты (и не только) хозяева и работники ели за одним столом, и фермеры предпочитали видеть напротив себя приятную мордашку девочки или мальчугана, а не насупленную физиономию пожилого батрака, вечно всем недовольного – условиями труда, климатом, зарплатой, жильем, кормежкой или вздорным нравом хозяйки.

Но Эмили не была белокурой, да и «крепенькой» тоже.

Дамы-благотворительницы в жилетках цвета сливы и черных галстуках только сочувственно качали головой.

Это притворное сострадание напомнило Фланнери время, впрочем, совсем недавнее, когда они с Флоранс обивали пороги лондонских журналов в надежде продать фотографии. Но его снимки не отвечали требованиям журналов, это

было совсем не то, чего они хотели, – слишком уж они были «интимные», ориентированные на индивидуальность, выражение лица и выразительность взгляда. Все это, по мнению редакторов, представляло интерес лишь для живописи, а фотография была обязана смотреть на мир шире, охватывая все его многообразие: толпы людей, шествия под знаменами, митинги с плакатами, многолюдные праздники, возможно, даже казни (при условии их публичности, разумеется, и желательно в экзотической обстановке), шумные чествования, свадьбы, но уж никак не портрет девочки-нищенки с соплей под носом, забившейся в подворотне в ожидании открытия ночлежки, чтобы получить полфунта хлеба, оскребки сыра да кружку холодной воды, – а ведь это была любимая фотография Джейсона Фланнери, единственная, на которой он, взяв тоненькую кисточку, белой гуашью вывел свое имя.

Уже совсем стемнело, когда сестры-благотворительницы Нью-Йоркской больницы подкидыша, разместившейся в величественном шестиэтажном здании на углу Восточной 68-й улицы и Лексингтон-авеню, наконец согласились взять Эмили на свое попечение.

Если уж им не удастся быстро довести ее до кондиции и отправить на «сиротском поезде» в качестве «крепенькой брюнетки», ее оставят в больнице, где она будет помогать работницам в стирке и починке белья других детей. А то, что она не говорит по-английски, даже хорошо: по крайней мере, хоть не будет надоедать персоналу глупым нытьем.

Джейсону Фланнери пришлось вывернуть карманы наизнанку, чтобы достойным образом отблагодарить милосердных покровительниц больницы подкидыша.

Потом, рассудив, что момент для фотографирования Эмили с ползущей по щеке глицериновой слезой все равно упущен, поскольку щека эта стала слишком чистой, слишком выдраенной, и что все равно света уже недостаточно для работы с камерой, Джейсон церемонно распрощался с монахиней, принявшей девочку, в последний раз посмотрел на Эмили, мысленно пожелав ей удачи, не очень, впрочем, в это веря – но ведь он сделал для нее все, что мог, – и не без удовольствия вышел на заметенную снегом улицу, чувствуя себя свободным как птица.

В отведенной ему каюте находились две койки, и Джейсон с нетерпением ждал появления пассажира, с которым ему предстояло делить узкое помещение, расположенное на уровне ватерлинии; клепаная обшивка уже дребезжала, хотя двигатель еще не работал в полную силу. Но стоит цилиндрам паровой машины привести в движение огромные шатуны, и это будет уже не дрожь, а мощнейшая вибрация, и тогда каюта пойдет ходуном. Затренькают на туалетной полке стаканы для зубных щеток, замигает электричество, застучат дверцы шкафов, а книга поползет по прикроватному столику, в то время как за мелко дрожащим иллюминатором будут двоиться городские огни.

В одной из семи или восьми труб, оплетающих каюту, раздавалось кишечное урчание – скорее всего, по ней проходил пар: такая горячая, что до нее нельзя было дотронуться. Наверняка эта труба еще послужит в начале путешествия, когда «Сити оф Пэрис» приблизится к зоне айсбергов – батареи парового отопления в каютах второго класса выглядели несолидно.

Джейсон очень надеялся, что шум труб еще усилится в дальнейшем и при необходимости сможет перекрыть храп его компаньона по ночлегу. Спать (вернее, не спать) рядом с храпящим человеком было одной из двух вещей, которые он не переносил. Вторым был запах рвоты.

Однако первое, как и второе, практически неотделимо от морских вояжей, вот почему фотограф выбрал для своего путешествия одно из самых быстроходных судов на Северной Атлантике – чтобы оно закончилось как можно скорее.

Раз уж Джейсон явился первым, он с полным правом завладел нижней койкой; это избавит его от акробатических трюков на узенькой шаткой лесенке, к тому же в случае кораблекрушения он быстрее окажется на ногах, чтобы с большим успехом бороться за существование.

Он присел на край постели, и накрахмаленные простыни под ним скрипнули, словно глазированное пирожное, когда в него вгрызаются зубами.

Джейсон просто обожал десерты и чувствовал себя в Америке по-настоящему обделенным, этой стране было еще очень далеко до кондитерской роскоши доброй старой Англии – арахисовые леденцы и прочие пончики из кукурузной муки не шли ни в какое сравнение со силлабабом из взбитых сливок и белого вина или сливовым пудингом.

В ожидании предполагаемого сожителя Джейсон открыл старый номер рождественского ежегодника журнала «Битонс», который жена имела обыкновение ему дарить на каждое Рождество.

В самом Рождестве Христовом Флоранс усматривала лишь легенду, но легенду настолько яркую и великолепную, что она решила сделать ее основой для придуманного ею праздника сказок и рассказчиков.

В течение двух недель, предшествовавших Рождеству, она устраивала пять-шесть праздничных обедов, во время которых каждый приглашенный, следуя строгой очередности, должен был встать из-за стола и рассказать какую-нибудь невероятную историю. Неспособная что-либо придумать самостоятельно, Флоранс черпала вдохновение в журналах, которые специализировались на публикации новелл. Одним из них как раз и был рождественский ежегодник журнала «Битонс», который по случаю Рождества 1887 года опубликовал три рассказа, из которых самым длинным оказался «Этюд в багровых тонах» некоего доктора Конан Дойла, державшего в Портсмуте частный медицинский кабинет.

Перед тем как дать журнал Джейсону, Флоранс сама прочитала рассказ, и он до такой степени ее пленил, что она почти забыла о своей болезни. Она, давно отказавшаяся от услуг врачей, сказала, что охотно проконсультировалась бы у этого доктора Дойла, если бы он оказался настолько же успешным в медицинской практике, как в сочинительстве. Все это она произнесла, посмеиваясь, ибо и она, и Джейсон знали, что для того, чтобы поддержать в ней жизнь хотя бы еще пару недель, врачу уже было недостаточно просто быть «успешным в медицинской практике».

С творчеством врача из Портсмута ему так и не удалось познакомиться: вечером двадцать пятого декабря у Флоранс случился новый припадок, и ее пришлось госпитализировать.

Перед тем как завернуть жену в одеяло и на руках перенести в фиакр, он бережно убрал журнал с новеллой Дойла в ящик стола, тайно подозревая, что это было последним подарком Флоранс.

Действительно, через несколько дней она умерла, и Джейсон, разумеется, больше не вспомнил об «Этюде в багровых тонах».

И, лишь разбирая свои бумаги перед отбытием в Америку (по известным причинам он никогда не отправлялся в путешествие, и уж тем более морское, не приведя в порядок бумаг), он неожиданно наткнулся на этот экземпляр рождественского ежегодника.

Машинально сунул его в багаж, ибо по опыту знал, что в дорогу лучше брать книжки небольшие и развлекательные по содержанию (именно таким ему представлялся «Этюд в багровых тонах»), чем какой-нибудь фолиант, возможно, неудобоваримый, который станет для него столь же обременительным, как и его компаньон по путешествию – скучный, вечно ноющий и нерасторопный.

Перелистывая журнал, Джейсон задержал взгляд на иллюстрации с изображением пейзажа, напомнившего ему североамериканские прерии, посреди которых находился мужчина с маленькой девочкой на плечах.

Заинтригованный картинкой, сразу вызвавшей воспоминание о недавнем совместном пребывании с Эмили (по правде говоря, ему бы и в голову не пришло положить по обеим сторонам от своих ушей ее вонючие ляжки, до тех пор пока она, осмелевшая и взбодрившаяся, не вышла из напоенной ароматами бани доктора Энджела), он сразу приступил к чтению текста на той странице, которую случайно открыл, то есть с первой главы второй части.

«В этом пустынном краю безмолвия, – писал доктор Конан Дойл, – насколько хватало глаз, расстилалась плоская безбрежная равнина, серая от покрывавшей ее солончаковой пыли…»

Дальше автор переходил к описанию дороги, занесенной пылью до самого горизонта, где повсюду встречались выбеленные солнцем остовы животных и человеческие останки, и по этой дороге брел некий Джон Ферье, сопровождаемый маленькой девочкой-сиротой, – единственные выжившие из группы странников, все члены которой погибли от голода или жажды.

Но в тот момент, когда эти двое уже смирились с неизбежностью смерти, перед ними возник «караван, двигавшийся в западном направлении. Но что это был за караван! …Не просто какие-нибудь переселенцы, а именно кочевой народ, который жестокие обстоятельства вынудили отправиться на поиски новой родины. …Во главе колонны ехали человек двадцать вооруженных людей; лица их дышали суровостью и были столь же темны, как и их одежда».

Текст доктора Дойла уточнял, что это были мормоны, затем автор предоставил слово одному из героев – мужчине, который указал на девочку стволом ружья и спросил: «Это твой ребенок?» На что вышеупомянутый Джон Ферье ответил с вызовом: «Разумеется, мой! И знаете почему? Потому что я ее спас. И теперь никто не вправе ее у меня отнять: с сегодняшнего дня она для всех – Люси Ферье».

Джейсон вновь мысленно представил себе Эмили, выходившую из турецкой бани. Ничего общего с прелестной фарфороволицей блондинкой Люси Ферье у нее не было. Верно и то, что она не была героиней рассказа, плодом воображения портсмутского врача, который занялся писательством, изнывая от скуки в своем частном кабинете без пациентов.

Не в пример Люси, имевшей читателей, никого не могла взволновать судьба Эмили, жалкой девчонки сиу-лакота, существа едва ли не самого ничтожного, читай, презренного на американской земле; она не стоила и тех тридцати долларов, которые пришлось бы выложить до отмены рабства за самого никудышного раба, она ценилась куда дешевле мула и даже индейки.

Но Джейсон ощущал себя одним из звеньев этой невероятной цепочки – состоявшей из индианки Шумани, учительницы в коричневом платье, доктора, пастора англиканской церкви и лошадиного кондитера, – обеспечившей Эмили выживание, что давало ему право отнести на свой счет слова Джона Ферье, сказав: «Это мой ребенок, потому что я ее спас. И отныне она – Эмили Фланнери».

Но ведь ничего подобного Джейсон себе не говорил, его ни разу не посетила эта мысль – ни в поездах, в которых они вместе ехали, ели и спали, ни в бане доктора Энджела, ни в приюте Нью-Йоркской больницы подкидыша. Особенно в «Подкидыше», когда он всеми силами старался показать окружающим, что

между ним и Эмили не существовало более тесной связи, чем простое соединение рук.

Тогда он думал только об одном, и по мере того, как приближался час отплытия «Сити оф Пэрис», мысль приобретала характер наваждения: найти приют и определить туда девочку.

А на деле – найти место, где ее оставить.

Монахини «Подкидыша» уверили его, что их учреждение – лучшее в Нью-Йорке, и он ушел оттуда со спокойной душой, подозвал фиакр с надетыми на колеса санными полозьями и велел доставить себя к причалу Гудзона.

Поцеловал ли он Эмили в лоб, когда они прощались?

Прошло два-три часа, не больше, а между тем он не мог уже точно вспомнить, что произошло в момент, когда он расставался с девочкой.

Джейсону смутно помнилось, что он взял ее за плечи – ладони еще хранили память о прикосновении к остро выступающим ключицам худенького тела; вот только зачем: чтобы подтолкнуть к сестрам милосердия или, напротив, развернуть к себе и еще раз взглянуть на нее, взглянуть пристально, чтобы уже не забыть?

Теперь он этого не знал.

Примерно то же случилось с ним у изголовья умирающей Флоранс: как он ни пытался, он не мог вспомнить мгновение, когда сердце молодой женщины перестало биться и доктор Леффертс сказал ему: «Это конец, Джейсон, мне жаль, правда очень жаль».

Момент смерти Флоранс полностью стерся из его памяти, как это бывает, когда под действием слишком ярких лучей засвечивается фотопластинка, отныне неспособная предложить зрителю ничего хоть сколько-нибудь различимого, кроме однообразной белизны.

А ведь он был с женой до самого конца, он помнил, как гладил ее по руке, становившейся все холоднее, ее скрюченные пальцы, помнил так же отчетливо, как хрупкие плечи Эмили, костлявые и горячие.

Следующим образом, являвшимся сразу после негнущихся рук, был гроб, к которому привинчивали крышку, и в голове его тогда раздался истошный крик: «Подождите, подождите, я ей даже не закрыл глаза!»

И так было на протяжении всех трех лет: он помнил в мельчайших деталях агонию Флоранс, последние двое суток борьбы, полной отчаяния и совершенно бесполезной. («Не бросайте меня, – молила она каждый раз, когда кто-нибудь из служителей больницы входил в палату, – не оставляйте меня, я еще так хочу жить!»), но сам момент смерти жены растаял для него, словно утренний сон, словно этой смерти и не было вовсе.

На борт «Сити оф Пэрис» Джейсон поднялся с намерением получить от плавания столько удовольствия, сколько компания «Инман Лайн» была в состоянии предложить двум сотням пассажиров второго класса, к которым он относился. Но, стоило вновь склониться над иллюстрацией рождественского ежегодника журнала «Битонс», лежавшего у него на коленях, и подумать о том, что Люси доктора Дойла и его Эмили были примерно одного возраста, как он тут же осознал, что не сможет участвовать ни в одной из игр, организованных для развлечения публики (в нарды, в кругляшки?, в лягушку «с морским уклоном» – жетоны-подковки в которой были заменены на жетоны в виде спасательных кругов), пока не заполнит два пробела в своей памяти: поцеловал он Эмили перед тем как с ней расстаться и уснул ли он в мгновение, когда его жена испустила последний вздох.

Неожиданно ему пришла мысль еще раз увидеться с Эмили и достойно попрощаться с ней, как того заслуживала если не она (она-то, разумеется, ничего собой не представляла!), то, во всяком случае, их непродолжительное совместное существование.

Пароход по-прежнему стоял у причала, попыхивая черными с белыми полосами трубами, дым над которыми, казалось, замер в той же неподвижности, что и река.

Джейсон поднялся на самую верхнюю палубу, где находился ходовой мостик, чтобы выяснить у одного из служащих, насколько может продлиться задержка отплытия судна. В курилке он поговорил с молоденьким лейтенантом флота, который сообщил о распоряжении капитана свести к минимуму эту задержку и о том, что, несмотря на возникшие неблагоприятные обстоятельства, судно выйдет в плавание в ближайшие часы.

Собравшись на верхней палубе, кое-кто из пассажиров, выходивших из столовой, где закончилась первая обеденная смена, решил развлечься, бросая на лед разные предметы. Они заметили, что самого обычного крокетного шара было довольно, чтобы ледяная поверхность Гудзона пошла звездочками, а затем треснула; и все удивлялись, как столь хрупкий лед мог взять в плен мощный океанский лайнер со стальным форштевнем и водоизмещением больше десяти с половиной тысяч тонн.

– Дело вовсе не в недостаточной мощности, – терпеливо объяснял лейтенант, – но даже такой лед при низкой скорости во время маневра отплытия может создать опасную ситуацию, способную привести к столкновению судна с дамбой или другим кораблем. Сейчас навстречу вышел ледокол, чтобы проложить нам канал. Отплытие задержится всего на несколько часов, которые мы впоследствии легко наверстаем.

Офицер счел нелишним добавить, что, пока судно остается на приколе, для пассажиров первого и второго классов в барах предусмотрена бесплатная выпивка.

– Боюсь, что я забыл в отеле, где провел ночь, кое-какие важные документы, – сказал Джейсон лейтенанту. – Как вы думаете, мне хватит времени, чтобы их забрать?

– Лучше послать за ними стюарда, – ответил офицер. – Если уж к отплытию недосчитаются кого-то из пассажиров, путь это будет он, чем вы. Напишите мне название и адрес отеля, а также номер, в котором вы останавливались.

– Глупость, конечно, с моей стороны… но ведь я брал номер на одну ночь и не обратил внимания на цифру. К счастью, само место я запомнил и легко найду улицу.

– Будь по-вашему, – сказал лейтенант. – Но вы несете за это полную ответственность. Вернитесь на борт самое позднее через три часа. Пароход ждать не будет. Мы огорчимся, если придется оставить вас на берегу, – добавил он с казенной улыбкой.

7

Трех часов, как показалось Джейсону, было более чем достаточно, чтобы добраться до Восточной 68-й улицы, поцеловать Эмили в лобик и вернуться на пирс; все это было так, если не принимать в расчет пургу.

Стоило зажечься уличным фонарям, как население – муниципальные служащие, коммерсанты, консьержи жилых домов и особняков – всем миром взялось за лопаты; так что снег, валивший все гуще и гуще, стал скапливаться на тротуарах, оттесняя прохожих к проезжей части, где, прибитый непрерывно снующими трамваями, лошадиной мочой и навозом, он образовал длинную полосу коричневой жижи.

Увязая в этом липком, тошнотворном месиве, Джейсон с трудом пробирался по улицам, вдоль которых тянулись пустыри либо погруженные во мрак верфи, порой попадая в места, где свет от фонарей, тысячекратно отраженный в снежных кристаллах, оказывался настолько ярким, что становилось больно глазам.

Джейсон миновал портовый район и, двигаясь по Западной 14-й улице, стал углубляться в Манхэттен, минуя квартал скотобоен. От жирных паров, сочившихся из всех щелей кирпичных зданий, смрадного дыхания угловатых паровозов, перевозивших вагоны со скотиной по рельсам прямо посреди улицы, фотографу показалось, что воздух стал заметно теплее.

Каждый миг он боялся, что вот-вот раздастся гудок, возвещающий, что судно готово сняться с якоря. Это повлекло бы за собой массу трудностей. Продолжить свое пребывание в Америке Джейсон не мог: расходы на железнодорожные билеты и еду для девочки, турецкую баню (цена за одно посещение,

объявленная служащей доктора Энджела, как минимум должна была бы соответствовать пожизненному пользованию баней) и особенно пожертвование, сделанное сестрам милосердия в благодарность за то, что они приняли Эмили, почти полностью истощили его долларовый запас, хранимый на случай непредвиденных обстоятельств.

А ведь еще совсем недавно, точнее, почти всю свою прошлую жизнь Джейсон Фланнери отличался крайней осторожностью.

Вдоволь посмеявшись над его опасениями, почти всегда, кстати, безосновательными, Флоранс с ними смирилась и только улыбалась, когда Джейсон, не достав места в конце ряда, боялся, что именно в тот вечер, когда они будут в театре, там случится пожар, – он где-то вычитал, что жизнь театров редко превышает тридцать лет, и большинство кончают ее, обратившись в пепел.

Но, потеряв Флоранс, он одновременно утратил и навязчивые мысли о возможном в любой момент несчастье: несчастье произошло, самое ужасное из всех, и было уже не важно, что его ждет в дальнейшем.

Незадолго до отъезда в Америку Джейсон побывал в театре «Ковент-Гарден», где давали «Сомнамбулу» Беллини. Место ему досталось настолько неудачное, что он мог не сомневаться, что, если вдруг возникнет задымление и поднимется паника, как это уже случилось в 1808 году в этом же театре, когда при пожаре в толчее погибли двадцать три человека, толпа его раздавит.

Между тем уже через несколько мгновений после начала он совершенно перестал об этом думать, а когда голос Эммы Альбани[25 - Эмма Альбани (1847–1930) – канадская оперная певица.] при последних звуках финала Ah non guinge[26 - «Не постигнуть мыслью» (ит.).] утонул в буре рукоплесканий, Фланнери разделил общий восторг, начисто забыв, что как раз выкрики, свист и аплодисменты больше всего и отвлекают внимание дежурных пожарников.

В северную часть Манхэттена он решил подняться по 9-й авеню, внимательно считая улицы, которые пересекал: хотя везде и были таблички с названиями, большую их часть занесло снегом.

Иногда Джейсону приходилось останавливаться, справляясь с головокружением, возникавшим у него, когда он пробирался между высокими стенами тесно прижатых друг к другу домов, которые словно множились, уходя в бесконечность.

Вскоре он уже входил через юго-западный вход в Центральный парк – теперь он был всего в десятке улиц от 68-й.

Возле Пруда[27 - Речь идет о пруде в юго-восточной части парка, через который перекинут живописный каменный мост Гапстоу (Gapstow Bridge).] опрятно одетый пожилой человек толкал перед собой небольшую тележку на четырех колесах, наподобие тех, в которые впрягают собак, чтобы катать детей. На тележке стояли ящички с просветами, в которых, судя по звукам, копошились живые существа.

Разумеется, по причине темноты человек этот, должно быть, принял Джейсона за бродягу, подошел к нему и, не сняв шляпы и даже не приложив руки к полям, предложил ему жалкую сумму за то, чтобы он помог ему выпустить на свободу птиц, закрытых в ящичках.

– Пойдет ли это им на пользу? – засомневался Джейсон и тут же задал себе вопрос: а смогут ли предоставленные самим себе пернатые добыть пропитание в заснеженном парке? И не будут ли они немедленно отстреляны сидящими в засаде «охотниками», которые только и ждут, чтобы те взлетели: это же своего рода спорт – стрельба по живым голубям, охота ночная и подпольная одновременно.

Но незнакомец протянул визитку, на которой значилось, что он, Юджин Шьеффелин, – доктор фармацевтических наук, специалист в области генеалогии, биограф и орнитолог, а также президент Американского общества акклиматизации.

В марте ему уже удалось выпустить на волю шестьдесят скворцов.

Этой ночью он намеревался дать свободу зябликам и снегирям, доставленным из Англии и Франции, и он надеялся, что птицы вскоре дадут потомство, к огромному удовольствию посетителей парка, прославив заодно и Американское

общество акклиматизации.

Джейсон, в свою очередь, сообщил, что и у него было в планах акклиматизировать в Англии некое маленькое создание американского происхождения, которое он тоже в каком-то смысле собирался выпустить из клетки, о, разумеется, это было еще под вопросом, ведь пароходный гудок мог положить всему конец, но такая мысль вдруг неожиданно пришла ему в голову, когда он сворачивал вправо, поравнявшись с парком Гамильтон, чтобы перейти с 9-й улицы на 8-ю, и она прочно засела в нем, словно стрела индейца, добавил он с немного принужденной из-за холода улыбкой.

Это загадочное признание, похоже, вполне удовлетворило Юджина Шьеффелина. Он пожелал Джейсону, чтобы у того все сложилось удачно с его «маленьким созданием», как и у него самого со скворцами.

– Самое главное, мой дорогой друг – суметь доставить вашего подопечного в наилучшем состоянии до того места, где, как вы надеетесь, он сумеет прижиться и оставить потомство. А уж после полагайтесь во всем на матушку-природу. Оставьте у себя мою визитку и при возможности дайте знать, как проходит ваш опыт по акклиматизации.

Сложив вместе большой и указательный пальцы, Шьеффелин сделал в ночной мгле короткий жест, нечто вроде благословения, и, что было еще более благотворным для Джейсона, указал прямой путь, дабы, перейдя Центральный парк, сразу выйти на угол 68-й улицы и Лексингтон-авеню.

Джейсон Фланнери приблизился к «вертушке подкидышей», где обессилевшие, отчаявшиеся или неимущие матери уже почти двадцать лет оставляли своих младенцев.

Дернув за шнурок, он подумал, что в здании тут же зазвенит колокольчик. Он ничего не услышал, но зато деревянный турникет сделал оборот, и откуда-то изнутри раздался спокойный голос:

– Не бойтесь за вашего ребенка, о нем здесь позаботятся. Просто положите его на лоток.

– Я не собираюсь оставлять ребенка, – сказал Джейсон, – напротив, я хочу забрать того, кого недавно…

– Мы не возвращаем, не сдаем на время и не продаем детей, – ответили тут же, не дав ему закончить и делая упор на каждом глаголе.

Голос принадлежал монашке, сразу заключил Джейсон, так как на нем, помимо определенной властности, лежала печать особой религиозной приятности, но вот чего он не смог определить, так это возраста говорившей – была ли это пожилая сестра или послушница: все эти женщины говорили похожими ясными голосами и слегка в нос, как маленькие девочки.

– Пять или шесть часов назад, – не отступал Джейсон, – я оставил на ваше попечение ребенка, но потом передумал.

– Мы не возвращаем детей, которые нам однажды были доверены. Иначе это было бы слишком удобно: нам бы их просто оставляли на время, чтобы сходить за покупками или отправиться на свидание, чтобы… ну, короче, вряд ли стоит уточнять, на какого рода свидание могла бы отправиться мать, которая не осмелилась прийти на него со своим младенцем. «Подкидыш» – не ясли. Мы держим здесь детей до тех пор, пока они не обретут новый семейный очаг.

– Как же, знаю: «сиротские поезда», например. Но я способен предложить Эмили нечто большее, чем поезд: океанский лайнер, каюту на борту судна, которое ночью отплывет в Ливерпуль.

– Ливерпуль, что в Пенсильвании?

– Нет, что в Англии, сестра, – с раздражением поправил ее Джейсон (он все больше боялся с минуты на минуту услышать сигнал парохода, а еще больше – того, что он уже слишком далеко от пристани, чтобы его услышать). – Очень рекомендую вам однажды побывать в Англии. Многие считают ее преддверием рая. По крайней мере, то место, где живу я.

– Не богохульствуйте, – еле слышно пролепетала монашка.

– Если бы это было возможно, я бы показал вам фотографии, мою деревню, усадьбу, они всегда при мне, но сейчас, правда, они уже на корабле. Так неужели вы не позволите мне забрать девочку?

– Нет, не позволю, – проговорила монахиня. – В таком случае я нарушу устав.

– Разрешите хотя бы поцеловать ее на прощание.

– Вы уверены, что она этого хочет?

– Не уверен, – честно признался он. – Не думаю, что нежности в большом почете у ее народа, впрочем, как и у сестер милосердия, как мне кажется.

– Вы слишком плохо о нас думаете: дружеские объятия у нас не запрещены.

– Ладно, дайте мне обменяться с Эмили дружеским объятием.

– Я не имею права этого делать.

– Да чего вы не имеете права делать?

– Открывать ночью двери приюта. Да еще и ради дружеских объятий.

Она замолчала. Джейсон просто стоял и ждал. Долгие минуты ничего не происходило, разве что снег, соскользнувший с фронтона, попал ему за воротник и неприятно холодил шею.

Возможно, сестра уже давно скрылась во внутренних покоях приюта, подобно испуганной улитке, спрятавшейся в своем домике, или же она пошла в часовню вымолить у Бога прощения за то, что собиралась сделать?

Наконец она открыла.

Несмотря на платье и мантию, сшитые из матовой черной материи, самой унылой, какую только можно себе вообразить, несмотря на шляпу с широкими мягкими полями, завязанную под подбородком, тоже черную, хотя и менее

тусклую, несмотря на закрывавшую лицо вуаль того же цвета, но почти прозрачную, Джейсон умудрился разглядеть, что у монашки была хорошенькая, усыпанная веснушками рожица. И он сразу пожалел о том, что, вполне вероятно, у нее возникнут по его причине серьезные неприятности. По его мнению, очаровательным девушкам ни в коем случае не следовало испытывать неудобств.

Монахиня сделала ему знак следовать за ней. За девушкой тянулся тонкий шлейф запаха пота и крахмала – наверняка под мантией был надет облегающий грубошерстный свитер домашней вязки и уж наверняка полотняная сорочка.

Она сказала, что ее звали Айрин, но в приюте ей дали новое имя – Дженис, поскольку в «Подкидыше» уже были две Айрин; так же поступали и с воспитанницами, если слишком многих звали одинаково, – порог терпимости останавливался на числе «пять».

– Не произойдет ли этого и с Эмили? – спросил Джейсон.

– Боюсь, что новенькая, которую вы нам доверили, будет уже шестой Эмили, – улыбнулась сестра Дженис. – Матушка как раз говорила об этом после вечерни. Похоже, вашей Эмили дадут имя Абигейл. Вам нравится? Абигейл означает «Радость Отца Небесного».

Проследовав по нескончаемому темному коридору (пока они шли, Джейсон, заглянув в приоткрытую дверь, сразу узнал обшитую деревянными панелями комнату, где совсем недавно официально передавал Эмили приюту, и увидел длинный узкий журнал регистрации черного цвета, в который сестра милосердия внесла все, что ему было известно о девочке и той бойне, в которой ей чудом удалось выжить, – слово «чудо» монахиня выписала с особым старанием), они тихо проскользнули в дортуар для воспитанниц.

Дортуаром оказалась просторная комната с очень высоким потолком, отчего кроватки, равно как и их обитательницы, выглядели особенно жалкими и тщедушными. Над некоторыми постелями были натянуты пологи из тюля, предназначенные для защиты самых маленьких от ночных насекомых, поскольку, чтобы подготовить сироток к суровым условиям их будущей жизни в деревне, окна спальни на всю ночь оставляли приоткрытыми – их закрывали,

только если температура достигала рокового уровня в тридцать два градуса по Фаренгейту[28 - По шкале Цельсия – ноль градусов. – Прим. авт.].

Сестра Дженис подвела Джейсона к кровати Эмили. Девочка спала на спине, прижав руки к худенькой груди.

– Можете попрощаться с ней, – прошептала монахиня. – Только не вздумайте ее будить: это большая редкость, чтобы ребенок, выдержавший столько потрясений, смог спокойно уснуть в первую же ночь в незнакомом месте.

– Что вы подразумеваете под словами столько потрясений, сестра Дженис?

– Как что? Я до сих пор не могу без дрожи вспоминать то, что вы нам рассказали: само сражение, конечно, смерть матери, потом долгое путешествие с вами. Вы должны ей казаться одним из агрессоров.

Еще мгновение – и Джейсон расцеловал бы монашку: она подала ему блестящую идею, которой ему как раз и не хватало, чтобы забрать отсюда Эмили раньше, чем она превратится в Абигейл.

– Но я на самом деле агрессор, – подтвердил он.

И Фланнери испустил долгий, нечеловеческий крик, в котором слились воедино и вой убиваемого зверя, и рев хищника, готовящегося его растерзать.

Перейдя за долю секунды от сострадания к безраздельному ужасу, сестра Дженис издала ответный вопль, утвердивший и многократно умноживший воцарившийся в спальне хаос, вызванный первым диким криком фотографа.

В следующее мгновение в дортуаре Нью-Йоркской больницы подкидыша поднялся невообразимый переполох: внезапно разбуженные старшие девочки попрятались под простыни, отчаянно визжа, в то время как младшие под балдахинами сидели в своих гнездах и рыдали во весь голос.

От кроватей, стоявших рядами, пошел острый запах горячей мочи: охваченные паникой все восемьдесят воспитанниц, кроме одной, которой как раз и оказалась Эмили, описались одновременно.

В первые секунды всеобщего смятения она оказалась единственной, кто сохранил самообладание. Эмили наблюдала за Джейсоном, пытаясь угадать, какова его роль во всей этой катавасии и должна ли она принять в ней участие. Девочка тоже широко раскрыла рот, готовая завопить вместе с остальными, если от нее этого ждали, но, поскольку твердой уверенности в этом не было, сдержала крик внутри себя, под трепещущими от напряжения мускулами шеи.

И тут Джейсон подал ей знак оставаться спокойной. Эмили поняла и сразу сглотнула слюну, загоняя в себя крик, которого вовсе не желал человек, приведший ее сюда, кого она считала кем-то вроде хранителя калумета[29 - Хранитель калумета, или священной трубки, – это человек, который организует перемещение племени, выбирает стойбище, определяет место, занимаемое каждым членом общины, и подает сигнал к большой охоте. – Прим. авт.].

Он взял девочку за руку, чтобы, с одной стороны, придать ей уверенности, а с другой – чтобы провести ее по темным коридорам приюта. Эмили тотчас же отдернула руку, вытерла ее о холщовую рубашку, в которую обрядили ее монахини, и потрусила рядом, заглядывая ему в лицо, словно в ожидании новых приказаний.

Сестра Дженис постепенно пришла в себя и зазвонила в большой колокол, возвещая, что в стенах приюта произошло нечто чрезвычайное.

Со всех сторон стали сбегаться монахини. Большинство были босы и с непокрытой головой, едва накинувшие свои черные платья с развязанными тесемками на спине.

Пропуская их, Джейсон прижался к стене, спрятав Эмили за собой. Никто не задал им ни одного вопроса. Вероятно, монахини попросту их не замечали, встревоженные тем, что могло им открыться там, в глубине здания, откуда с прежней настойчивостью доносились колокольный трезвон и крики детей; на бегу монахини обсуждали вероятность пожара, но, поскольку никто не чувствовал дыма, все спрашивали себя, не вселился ли демон в кого-нибудь из воспитанниц.

Фланнери вдруг подумал, что первое, что увидят монахини в дортуаре для девочек, будет сестра Дженис, размахивающая руками посреди детей, еще более испуганных, чем она сама, поскольку им была неизвестна причина всеобщей паники; ах, как бы ему хотелось быть уверенным, что не ее подвергнут процедуре изгнания бесов!

– Путь свободен, – сказал он Эмили. – Бежим!

Джейсону пришлось слегка подтолкнуть ее в затылок. Девочка сразу же помчалась вперед. Он последовал за ней.

Когда они вышли на улицу, оказалось, что снегопад прекратился. Неподалеку от приюта служащие городской железнодорожной компании, орудуя огромными лопатами, расчищали пути трамвайной линии, соединявшей берега Гудзона. Следующий трамвай должен был подойти минут через двадцать, так что Джейсон и Эмили вполне успевали к отплытию «Сити оф Пэрис». По крайней мере, на это была надежда, как, впрочем, и на то, что раз уж по случаю непогоды вагоны на электрической тяге сменились конками, кондуктор проявит снисходительность к пассажирам, не имеющим ни билетов, ни мелочи, чтобы их купить, – бумажник фотографа с пятнадцатью долларами и всеми проездными документами бесследно исчез, без сомнения, украденный одной из сироток, которая в самый разгар паники ловко вскарабкалась ему на плечи, подобно маленькой когтистой белочке.

У всякой неприятности есть и своя положительная сторона: оказавшись на борту лайнера, Джейсон немедленно отправится к лейтенанту, разрешившему ему отлучиться, и расскажет, что все его документы были украдены, и тогда молодой офицер наверняка согласится заполнить и подписать у капитана свидетельство, которое позволит им с Эмили беспрепятственно добраться до Ливерпуля.

8

Эмили открывала для себя Англию, словно кошка, очутившаяся в неизвестном жилище, – с огромным любопытством и крайней осторожностью; у кошек любопытство обычно берет верх, то же происходило и с девочкой.

Первыми ее впечатлениями от Ливерпуля были небо, исполосованное мачтами судов, и сырая набережная Джордж-дока, где сходились в кучки и расходились отяжелевшие от толстой одежды люди с грубыми голосами, обменивавшиеся двумя-тремя словами на языке, немного похожем на язык американцев, только со свистящими и шелестящими звуками, которые напомнили Эмили присвист и шепот ветра, взбиравшегося на холмы Дакоты, чтобы затем сбежать вниз.

Язык ветра она понимала хорошо, но не могла понять, о чем говорили эти люди.

Девочка зашлась сухим хриплым кашлем, возможно, причинявшим ей боль, – как знать, раз она не разговаривала, даже не пыталась. Джейсон взглянул на нее с беспокойством. Если она заболеет, он себе этого не простит, не может же он, в самом деле, сказать себе, что, мол, все было определено заранее; да и мыслимое ли это дело – помещать ребенка сиу в условия английского климата, точно европейского снегиря в заросли американского Центрального парка?

Не стоит ли показать ее доктору Леффертсу?

У него не было ни малейшего желания вновь услышать хорошо поставленный голос врача, который он так же ревностно холил и лелеял, как другие холят свои шевелюру, руки или ботинки, словно стремясь сохранить эту единственную часть себя, выбранную ими из несметного количества неприглядных и мерзостных вещей, составляющих человеческую сущность, в состоянии, близком к совершенству.

Эмили перестала кашлять, несколько раз чихнув. Слава богу, подумал Джейсон, скорее всего, это обычная простуда, наверное, она подхватила ее во время плавания, да еще после снегопадов в Вундед-Ни и Нью-Йорке, вместе взятых.

В это зимнее утро свет, едва пробивавшийся сквозь дымовую завесу, был настолько тускл, что в большинстве лавок набережной зажглись газовые фонари, испускавшие желтоватое сияние. Капельки тумана, увлажняя его, делали золотистые, лоснящиеся круги света похожими на свежевыпеченную сдобу.

Эмили сложила правую ладошку лодочкой и, поднеся ее ко рту, дала понять, что проголодалась.

– Да, – сказал Джейсон, – да, я понял.

Он выбрал одну из таверн, выстроившихся вдоль Мерси, – «Голубой якорь», столы и скамьи которой были до блеска отполированы локтями и задами. В длинном узком зале с низким сводчатым потолком пахло мешками, непросохшим полом, грязной одеждой.

Девочка встрепенулась, как зверек во власти неудержимого желания. И успокоилась, только когда подали то, что Джейсон после недолгих колебаний заказал для нее: бекон, который по виду должен был, по его расчетам, напомнить ей вяленое мясо, к которому она привыкла, и немного грецких орехов в меду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Типи – переносное жилище кочевых индейцев Великих равнин. – Здесь и далее, если не указано иного, прим. пер.

2

Лакота – индейский народ, западная часть племен группы (народов) сиу (также дакота).

3

Речь идет о периоде с мая по сентябрь; пони – здесь: низкорослые лошади индейцев.

4

Поняла, что я сказал?

5

Поняла.

6

Речь идет о 42-миллиметровой горной пушке Гочкиса, разработанной французской промышленной компанией Hotchkiss et Cie, основанной переехавшим во Францию американским изобретателем и предпринимателем Бенджамином Гочкисом в 1875 году. Использовалась армией США в течение последней четверти XIX – начале XX века.

7

Битва при Литл-Бигхорне (25–26 июня 1876 года) – сражение между индейским союзом лакота и Седьмым кавалерийским полком армии США у реки Литл-Бигхорн (шт. Монтана), закончившееся победой индейцев.

8

Луна приобретает «кровавый» цвет во время полного лунного затмения.

9

Агентство – здесь: административный центр резервации, в которой располагались постройки, где жили белые работники.

10

В период с июля по август.

11

Сиуязычное племя Северных равнин.

12

У. Коулмэн. Голоса Вундед-Ни. Линкольн, Небраска, 2000. – Примеч. авт.

13

В период с июня текущего года по май следующего.

14

В русских переводах также: Медведь, Оглядывающийся-на-Бегу (или Стоит и Оглядывается Назад).

15

В октябре.

16

На самом деле вождь Сидящий Бык (1831–1890) был убит сразу двумя выстрелами, один из которых пришелся в голову; последний принадлежал сержанту индейской полиции – Красному Томагавку.

17

Рапид-Сити, Пирр, Спирфиш – населенные пункты в Южной Дакоте.

18

См. книгу Кейт Саммерскейл «Подозрения мистера Уичера, или Убийство на Роуд-Хилл» (2008). – Прим. авт.

19

Чадрон – поселок в графстве Дауэс (штат Небраска).

20

Томас Саттон (1819–1875) – английский фотограф, инженер и изобретатель.

21

Файв-Пойнтс – площадь в Нью-Йорке, где сходятся пять улиц; в первой половине XIX века – бедный район, известный своими притонами.

22

Традиционное турецкое полотенце для бани. – Прим. авт.

23

«City of Paris» (англ.); «City of…» – названия судов британской судоходной компании Inman Line.

24

«Акт об исключении китайцев» (1882–1943) – особый закон Конгресса США, изданный в ответ на массовую иммиграцию китайцев на запад страны. Закон запретил любую китайскую иммиграцию и натурализацию уже проживающих в США китайцев (однако родившиеся в США дети китайцев считались уже гражданами США).

25

Эмма Альбани (1847–1930) – канадская оперная певица.

26

«Не постигнуть мыслью» (ит.).

27

Речь идет о пруде в юго-восточной части парка, через который перекинут живописный каменный мост Гапстоу (Gapstow Bridge).

28

По шкале Цельсия – ноль градусов. – Прим. авт.

29

Хранитель калумета, или священной трубки, – это человек, который организует перемещение племени, выбирает стойбище, определяет место, занимаемое каждым членом общины, и подает сигнал к большой охоте. – Прим. авт.

Купить: https://tellnovel.com/dekuen_did-e/anglichanka-na-velosipede

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити